На небосводе популярной культуры информационного века Уильям Гибсон — ярчайшая звезда.

The San Diego Union-Tribune

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Все вечеринки завтрашнего дня

18+

Издательство "Азбука"

Трилогия Моста

Уильям Гибсон

Все вечеринки завтрашнего дня

«Азбука-Аттикус»
1999

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гибсон У. Ф.

Все вечеринки завтрашнего дня / У. Ф. Гибсон — «Азбука-Аттикус», 1999 — (Трилогия Моста)

ISBN 978-5-389-11376-3

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра – и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовала «Трилогия Моста», действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, а фабула триллера, футуристический антураж и виртуозная скупость стилевых приемов порождают взрывоопасный, но неотвратимо притягательный коктейль. В завершающем трилогию романе «Все вечеринки завтрашнего дня» сходятся воедино герои «Виртуального света» и «Идору», причем сходятся на том самом Мосту, ставшем после катастрофического землетрясения символом разделенной Калифорнии; здесь лучший в мире убийца не оставляет следов во всемирной паутине, тайный хозяин мира думает, что идет по его следу, а затаившийся в «картонном городе» токийской подземки Лейни ищет глобальную узловую точку…Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-11376-3

© Гибсон У. Ф., 1999
© Азбука-Аттикус, 1999

Содержание

1 7
2 11
3 15
4 17
5 20
6 24
7 28
8 33
9 34
10 36
11 38
12 39
13 44
14 48
15 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Уильям Гибсон
Все вечеринки завтрашнего дня

© Д. Борисов, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Грэму и Бэдчерам

1
Картонный город

Сквозь вечерний поток лиц, меж спешащих черных ботинок, сложенных зонтов, через толпу, втекающую единым организмом в удушливое чрево станции, незамеченный, неузнанный, пробирается Синья Ямадзаки, его ноутбук зажат под мышкой, как раковина некоего скромного, но вполне удачного экземпляра подводной фауны.

Привычно не обращая внимания на острые локти, безжалостно бьющие по ногам кейсы и крупногабаритные пакеты с эмблемами магазинов Гиндзы, Ямадзаки и его ноутбук – легкая кладь информации – спускаются в неоновые бездны. В этот приток относительного спокойствия – выложенный плиткой коридор между эскалаторами, движущимися вверх и вниз.

Центральные колонны в оболочке зеленой керамики поддерживают потолок, изрытый мохнатыми от пыли вентиляторами, дымоуловителями, громкоговорителями. За колоннами, у дальней стены, жмутся нестройным рядом потрепанные картонные ящики для грузовых перевозок – импровизированные укрытия, возведенные городскими бездомными. Ямадзаки замирает на месте, и на него обрушивается океанский грохот спешащих с работы и на работу ног. До этой секунды Ямадзаки не замечал его, поглощенный своей миссией. Он вдруг испытывает искреннее и глубокое желание оказаться где-нибудь в другом месте, подальше отсюда.

Он морщится от боли, когда стильная молодая дама, черты лица скрыты маской «Шанель-микропор», проезжает ему по ногам дорогостоящей детской коляской на трех колесах. Судорожно выпалив извинения, Ямадзаки успевает заметить крошку-пассажира, промелькнувшего за гибкими шторками из какого-то розоватого пластика, свечение видеодисплея, мерцающего в такт шагам матери, которая как ни в чем не бывало катит коляску вперед.

Ямадзаки вздыхает, никем не услышанный, и направляется, прихрамывая, к картонным укрытиям. Долю секунды он гадает, что подумают проходящие мимо пассажиры, увидев, как он залезает в пятый слева картонный ящик. Ящик едва доходит ему до груди, но длиннее прочих и отдаленно напоминает гроб; кусок захватанной пальцами белой рифленки, свисающей пологом, служит дверью.

А может, меня и не заметят, думает он. Так же как он сам ни разу не видел, чтобы кто-то входил в одну из этих методично расставленных хибар или покидал ее. Как будто обитатели стали невидимками в рамках особой сделки, позволившей таким структурам существовать в контексте станции. Он изучает экзистенциальную социологию, и такие сделки всегда его особенно интересовали.

А сейчас он колеблется, сопротивляясь желанию снять ботинки и поставить их рядом с засаленной парой желтых пластиковых сандалий, размещенных у входа на аккуратно сложенном листе подарочной бумаги «Парко».

Нет уж, думает он, представляя, как попадает в поджидающую внутри западню, как борется с неизвестными врагами в картонном чреве. С обувью лучше не расставаться.

Снова вздохнув, он падает на колени, сжимая ноутбук обеими руками. Замирает на миг, коленопреклоненный, слушая за спиной звуки торопливых шагов – мимо, только мимо. Потом опускает ноутбук на керамическую плитку пола, толкает его вперед, под рифленый занавес, и сам на четвереньках – следом.

Он отчаянно надеется, что попал в правильный ящик.

Застывает на месте от неожиданного света и жары. Единственная галогенная лампа опаляет тесное помещение с частотой пустынного солнца. Лишенное вентиляции пространство нагрето, как вместительный террариум.

– Входи, – произносит старик по-японски, – и убери задницу из прохода.

Старик почти голый, если не считать подобия набедренной повязки, скрученной из останков того, что когда-то давно, возможно, было красной футболкой. Он сидит, скрестив ноги, на грубом, заляпанном краской татами. В одной руке тонкая кисть, в другой – ярко раскрашенная моделька. То ли робота, то ли армейского экзоскелета. Игрушка сверкает в солнечно-ярком свете, переливаясь синим, красным и серебряным. По татами разбросаны мелкие инструменты: бритва, резец; наждачная стружка.

Старик очень худ, свежевыбрит, но давно не стригся. Седые космы низко свисают, рот застыл в вечно недовольном изгибе. На старике очки в тяжелой оправе из черного пластика с допотопными толстыми стеклами. В стеклах прыгают зайчики света.

Ямадзаки послушно вползает в картонный ящик, чувствуя, как сзади с хлопком опускается дверь. Стоя на четвереньках, он с трудом удерживается от попытки сделать поклон.

– Он ждет, – говорит старик, кончик кисти парит над фигуркой в руке. – Там, внутри. – Движение головы.

Ямадзаки видит, что картон был недавно укреплен трубами пневмопочты, система определенно воспроизводит традиционную для Японии каркасную архитектуру, трубы стянуты мотками видавшей виды полимерной ленты. В этом маленьком пространстве слишком много предметов. Полотенца и одеяла, кастрюли на картонных полках. Книги. Маленький телевизор.

– Там, внутри? – Ямадзаки указывает на то, что, по его предположению, является еще одной дверью и напоминает ход в кроличью нору, скрытый от посторонних глаз засаленным квадратом желтого, дынного оттенка одеяла на пенной основе, вроде тех, что дают в капсульных отелях.

Но кончик кисти опускается, касаясь модельки, старик целиком сосредоточился на работе, так что Ямадзаки остается только проползти на четвереньках через крохотное до нелепости помещение и отдернуть в сторону край одеяла.

– Лейни-сан?

Что-то похожее на смятый спальник. Запах болезни.

– Ну? – хрип. – Давай сюда.

Сделав глубокий вдох, Ямадзаки заползает внутрь, толкая впереди себя ноутбук. Когда дынно-желтое одеяло падает, снова закрывая вход, яркий свет просачивается сквозь синтетику ткани и тонкую пенную основу, как тропическое солнце, проникающее в глубину кораллового грота.

– Лейни?

Американец стонет. Кажется, пытается повернуться или сесть. Ямадзаки не разглядеть. Глаза Лейни чем-то прикрыты. Мигает красный огонек диода. Кабели. Слабый отблеск интерфейса, отраженный на тонкой проводке вдоль скользкой от пота скулы Лейни.

– Вот теперь я увяз, – говорит Лейни и кашляет.

– Увязли в чем?

– За тобой не следили, случайно?

– Не думаю.

– Я бы почуял, если бы следили.

Ямадзаки чувствует, как пот внезапно начинает струиться из обеих подмышек, стекая ручьями по ребрам. Он заставляет себя сделать вдох. Воздух здесь тяжелый, гнилой. На ум приходят семнадцать известных науке резистентных штаммов туберкулезных палочек.

Лейни хрипло вздыхает.

– Но ищут-то они не меня, так?

– Нет, – говорит Ямадзаки, – ищут ее.

– Им ее не найти, – говорит Лейни. – Не здесь. И нигде. Не сейчас.

– Почему вы сбежали, Лейни?

– Долбаный синдром, – отвечает Лейни и снова кашляет, а Ямадзаки чувствует ровное, на низких частотах содрогание включившейся магнитной подвески, где-то в самом нутре станции, не механическую вибрацию, а мощные толчки отработанного воздуха, рвущегося через клапаны. – В конце концов он проявился. Этот долбаный «пять эс-би». Мания преследователя.

До Ямадзаки доносится топот ног, пробегающих где-то рядом, рукой подать, прямо за картонной стеной.

– Так вы из-за этого кашляете? – Ямадзаки моргает, отчего его новые контактные линзы начинают неприятно елозить.

– Нет, – отвечает Лейни и кашляет, прикрывая рот худой рукой. – Какой-то долбаный вирус. Здесь он у всех поголовно.

– Я переживал, когда вы исчезли. Вас стали искать, но когда пропала она…

– Дерьмо угодило прямиком в вентилятор.

– Дерьмо?

Лейни снимает громоздкие древние очки виртуальной реальности. Ямадзаки не успевает разглядеть, каким образом на них подается информация, в неровном свете их дисплея становятся видны запавшие глаза Лейни.

– Все скоро изменится, Ямадзаки. Мы подбираемся к невдолбеннейшей узловой точке. Теперь-то я это вижу. Все скоро изменится.

– Не понимаю.

– Знаешь, что самое смешное? Ничего не изменилось, когда все думали, что изменится. Миллениум был всего-навсего христианским праздником. Я изучаю историю, Ямадзаки. Я вижу ее узловые точки. Последний раз у нас такое было в тысяча девятьсот одиннадцатом.

– А что случилось в тысяча девятьсот одиннадцатом?

– Все изменилось.

– Как?

– Раз – и все. Так уж эта штука действует. Теперь-то я понимаю.

– Лейни, – произносит Ямадзаки, – когда вы мне рассказывали об этой мании, вы упомянули, что жертвы, то есть подопытные, становятся одержимы одной конкретной знаменитостью.

– Да.

– А вы одержимы ею?

Лейни смотрит на него в упор, глаза вспыхивают от прихлынувшего потока данных.

– Нет. Она ни при чем. Некто по имени Харвуд. Коди Харвуд. Впрочем, они еще встретятся. В Сан-Франциско. И еще один человек. Оставляет что-то вроде негативных следов; приходится делать выводы, исходя как бы из его отсутствия.

– Почему вы вызвали меня сюда, Лейни? Это жуткая дыра. Хотите, я помогу вам выбраться?

Ямадзаки вспоминает о швейцарском армейском ноже, лежащем в кармане. Одно из лезвий зазубрено; с его помощью он мог бы легко прорезать эту стену. Но энергетика места сильна, очень сильна, она подавляет его. Он будто находится бесконечно далеко от Синдзюку, от Токио, от всего. Чует запах пота Лейни.

– Вам нездоровится, – добавляет Ямадзаки.

– Райделл, – говорит Лейни, снова натягивая очки, – тот рентакоп из «Шато». Да помнишь ты его. Это он и дал мне наводку на тебя тогда, в старом добром Эл-Эй.

– И что?

– Мне нужен надежный парень на месте, в Сан-Франциско. Я сумел перевести туда кое-какие деньжата. Не думаю, что их перехватят. Я хорошо запутал следы в банковском секторе «Дейтамерики». Найди Райделла и скажи, что это ему аванс.

– За какую работу?

Лейни трясет головой. Кабели от очков сплетаются в темноте, как змеи.

– Он должен быть там, вот и все. Что-то наступает. Все меняется.

– Лейни, вам плохо. Давайте, я отвезу вас…

– Обратно на остров? Там же ничего нет. И никогда не будет, раз теперь ее нет.

И Ямадзаки знает, что это правда.

– Где Рез? – спрашивает Лейни.

– Отправился в турне по странам Комбината, когда решил, что она ушла.

Лейни задумчиво кивает, похожий в очках на богомола.

– Найди Райделла, Ямадзаки. Я скажу тебе, где он сможет взять деньги.

– Зачем это все?

– А затем, что он часть целого. Часть узла.

Спустя время Ямадзаки стоит, пристально глядя на башни Синдзюку, на стены бегущего света, на знак и означающее, что летят к небу в бесконечном ритуале коммерции и желания. Огромные лица заполняют экраны символами красоты, одновременно грозной и банальной[1].

Где-то внизу, под его ногами, Лейни ежится и заходится кашлем в своем картонном убежище, вся «Дейтамерика» непрерывно течет в его глаза. Лейни – его друг, и другу сейчас плохо. Специфическое умение Лейни работать с данными – результат опытов, проводившихся в федеральном детском приюте во Флориде, с препаратом под кодовым названием «5-SB». Ямадзаки видел, что́ Лейни может творить с данными и что́ данные могут творить с Лейни.

И у него нет никакого желания увидеть это снова.

Скользя взглядом вниз по светящимся стенам, по медиалицам, он чувствует, как его контактные линзы двигаются, меняются, регулируя глубину фокуса. К этому он до сих пор не привык.

Неподалеку от станции, в переулке, светлом, как днем, он находит киоск, торгующий анонимными дебитными картами. Покупает одну. В другом киоске покупает по ней одноразовый телефон, которого хватит ровно на тридцать минут, Токио – Эл-Эй.

Он спрашивает у ноутбука номер Райделла.

[1] Ср.: «Уже родилась на свет / Грозная красота» (У. Б. Йейтс. Пасха 1916 года. Перев. А. Сергеева).

2
«Счастливый дракон»

– Героин, – заявил Дариус Уокер, коллега Райделла по охране супермаркета «Счастливый дракон», – это опиум для народа.

Дариус только что закончил подметать. Он осторожно поднял большой совок и направился к встроенному контейнеру, наподобие медицинского для острых предметов, на котором стоял знак «Опасно для жизни». Туда они и выбрасывали иглы, когда находили их.

В среднем находили пять-шесть в неделю. Райделл ни разу не поймал ни одного наркомана, чтобы кололся прямо в супермаркете, хотя в принципе считал, что они способны и не на такое. Казалось, люди просто бросают использованные иглы на пол, обычно где-нибудь в глубине торгового зала, рядом с кормом для кошек. Регулярно подметая в «Счастливом драконе», можно было обнаружить и другие предметы: таблетки, иностранные монеты, больничные браслеты для опознания личности, смятые банкноты государств, где еще не отказались от бумажных денег. Не то чтобы было желание рыться в этом мусорном баке. Когда приходила очередь Райделла подметать, он надевал те же перчатки из кевлара, что были сейчас на Дариусе, а под них – проверенный латекс.

Он полагал, что Дариус все же прав в своем суждении, и это заставляло задуматься: сколько развелось кругом новой дряни, а народ и не думал забывать о старой. Запрети, скажем, сигареты – и люди как-нибудь да вывернутся. «Счастливому дракону» не разрешалось продавать бумагу для самокруток, но шла бойкая торговля мексиканскими папильотками, которые пускались в дело ничуть не хуже. Самая популярная марка называлась «Больше волос», и Райделл порой гадал, была ли использована хотя бы одна папильотка для завивки шевелюры. И как вообще можно завить волосы на прямоугольнички папиросной бумаги?

– Без десяти, – бросил через плечо Дариус. – Хочешь проверить поребрик?

В четыре часа одному из них выпадал десятиминутный перерыв – прогулка по заднему двору. Если проверять поребрик шел Райделл, это означало, что он был обязан первым уйти на перерыв, а потом дать передохнуть Дариусу. Проверку поребрика выдумала родительская корпорация «Счастливого дракона» в Сингапуре по совету штатной команды американских культурологов-антропологов. Мистер Парк, менеджер ночной смены, объяснил это Райделлу, отмечая галочками пункты в своем ноутбуке. Для большей важности он цокал пальцем по каждому параграфу на экране, в его голосе ясно читалась скука, но Райделл счел это частью работы, а мистер Парк был редкий педант.

– Для демонстрировать забота «Счастливый дракон» о безопасность в район охранный персонал будет патрулировать поребрик перед магазин на постоянный основа, каждый ночь.

Райделл кивнул.

– Вы не позволено долго отсутствовать из магазин, – добавил мистер Парк. – Пять минута. Непосредственно перед перерыв! – Пауза. Цок. – «Счастливый дракон» должен быть высокопрофессиональный, дружелюбный, чувствительный к местной культура.

– А что это значит?

– Кто-нибудь спит, вы их согнать. Дружелюбный. Работать шлюха, вы ей «привет», анекдот, согнать.

– Я боюсь этих старух, – сказал Райделл без всякого выражения на лице. – В Рождество они наряжаются эльфами Санта-Клауса.

– Никакой шлюха перед «Счастливый дракон».

– Чувствительный к местной культуре?

– Рассказать анекдот. Шлюха любит анекдот.

– Может быть, в Сингапуре, – сказал Дариус, когда Райделл изложил ему инструкции Парка.

– Он не из Сингапура, – сказал Райделл. – Он из Кореи.

– Так что, по сути, они хотят, чтобы мы вышли показаться, расчистили несколько ярдов тротуара, были дружелюбными и чувствительными?

– И рассказать анекдот.

Дариус прищурился:

– Знаешь, какой народ зависает перед нашей халабудой на Сансет в четыре утра? Малолетки под «плясуном», ловят глюки из фильмов про монстров. Угадай, кому достанется быть монстром? Плюс там тебе еще и зрелые социопаты-нелинейщики: старше, изощренней, полифармней…

– Поли… чего?

– Которые смешивают наркоту, – сказал Дариус, – и совсем нелинейными делаются.

– Все равно надо выйти показаться. Раз уж велено.

Дариус глянул на Райделла:

– Ты первый.

Он был из Комптона и единственный из знакомых Райделла, кто действительно родился в Лос-Анджелесе.

– Ты крупнее.

– Размер – это еще не все.

– Ну да, конечно, – сказал Райделл.

Все лето Райделл и Дариус трудились в ночной охране «Счастливого дракона» – изготовленного на заказ модуля, который был доставлен грузовым вертолетом и водружен посреди стоянки бывшего автопроката на Стрипе. До этого Райделл работал ночным охранником в «Шато» на той же улице, а еще раньше крутил баранку для компании «Интенсекьюр». А еще раньше, весьма недолго – и об этом он старался вспоминать как можно реже – служил офицером полиции в Ноксвилле, штат Теннесси. По ходу дела он дважды чуть не стал героем телепрограммы «Копы влипли», на которой вырос, но с тех пор старался никогда ее не смотреть.

Ночные дежурства в «Счастливом драконе» оказались куда интереснее, чем Райделл мог себе представить. Дариус говорил, это все потому, что на милю-другую в округе нет больше точек, торгующих чем бы то ни было, что может кому-нибудь реально понадобиться, хоть регулярно, хоть эпизодически. Лапша для микроволновок, диагностические тесты для большинства вензаболеваний, зубная паста, весь ассортимент одноразовых товаров, карточки доступа в сеть, чуингам, вода в бутылках… «Счастливые драконы» расплодились по всей Америке, по всему миру, если на то пошло, и чтобы это доказать – вот вам у дверей, как фирменный знак, стояла «Всемирная Интерактивная Видеоколонна „Счастливого дракона“». Встречи с ней нельзя было избежать ни на входе, ни на выходе из магазина – и, конечно, нельзя было не увидеть очередную дюжину «Счастливых драконов», связанных в данный момент по сети с лавкой на Сансет: в Париже, в Хьюстоне или Браззавиле – где угодно. Их тасовали каждые три минуты, исходя из практических соображений и установленного факта, что, если максимальное время просмотра будет длиться чуть дольше, детишки со всех дебильных задворков мира начнут на спор трахаться перед камерой. Вам и так доставалось определенное число голых задниц и прочих частей тела. Или еще привычней, как этот урод из пражского захолустья, который, как раз когда Райделл выходил проверить поребрик, выставил напоказ в камеру средний палец – знак, понятный всему миру.

– И тебе того же туда же, – ответил Райделл неизвестному чеху, прикрепляя на пояс неоново-розовую сумочку с эмблемой «Счастливого дракона», которую он должен был по контракту таскать с собой во время дежурства.

Вообще-то он не возражал, хотя сумка и выглядела дерьмово, натуральный кенгурятник; зато она была пуленепробиваемой, с выдвижным нагрудным кевларовым «слюнявчиком», который можно было закрепить вокруг шеи, если дела шли совсем плохо. Однажды некий обдолбанный в дым клиент с керамическим кнопарем попробовал пырнуть Райделла прямо в логотип «Дракона», – и это на второй неделе работы! – после чего Райделл даже как-то сдружился с несуразной штуковиной.

Он повесил памятный кнопарь на стену в своей комнате над гаражом миссис Сикевиц. Они нашли нож под стеллажом с арахисовым маслом, после того как парни из ДПЛА, Департамента полиции Лос-Анджелеса, забрали нелинейщика. У кнопаря было черное лезвие, как будто из отпескоструенного стекла. Райделлу нож не нравился: лезвие из керамики давало странную балансировку и было такое острое, что он успел уже дважды порезаться. Хрен знает, что с этим ножом делать.

Сегодня ночью проверять на поребрике было почти некого. Неподалеку стояла молодая японка с ошеломительно длинными ногами, торчавшими из еще ошеломительнее коротких штанишек. Ну, вроде как японка. В Эл-Эй Райделл понял, что разницу здесь уловить очень трудно. Дариус как-то сказал, что гибридная стать нынче ходовой товар, и Райделл решил, что он прав. Эта девица – сплошные ноги! – была почти с Райделла ростом, а ему казалось, что японцы обычно пониже. Но кто его знает, может, она выросла здесь, как перед этим выросли ее предки, и местная пища сделала их высокими. Он слыхал о подобных случаях. Но нет, решил он, приближаясь, дело в том, что это вовсе не девушка. Занятно, как это всегда улавливаешь. Ведь ничего такого, чтобы на поверхности. Словно ты и рад бы оценить все ее усилия быть девушкой, рад бы поверить, но подсознательно улавливаешь некий сигнал, типа, мол, телосложение не то.

– Эй, – сказал он.

– Хочешь меня согнать?

– Ну, – сказал Райделл, – мне положено.

– А мне положено стоять здесь на улице и втюхивать минет старым потасканным пердунам. В чем разница?

– Ты вольный стрелок, – наконец сформулировал Райделл, – а я получаю зарплату. Приспичит тебе прогуляться по улице минут двадцать, так никто тебя за это не уволит.

Он чувствовал запах ее парфюма сквозь сложную смесь ядовитых газов в воздухе и призрачный аромат апельсинов, витающий здесь порой по ночам. Где-то рядом цвели апельсиновые деревья, вернее, должны были цвести, но он до сих пор ни одного не видел.

Она стояла и хмурилась на него:

– Вольный стрелок?

– Типа того.

Она профессионально качнулась на своих навороченных каблуках и выудила пачку русского «Мальборо» из эксклюзивной розовой сумочки. Мчащиеся мимо машины уже вовсю бибикали, водители дивились тому, как ночной охранник «Счастливого дракона» о чем-то болтает с девочкой-мальчиком шести с лишним футов ростом, а теперь она демонстративно совершала нечто и вовсе противозаконное. Она открыла красно-белую пачку и с вызовом предложила Райделлу закурить. Сигарет в пачке осталось две, с фабричными фильтрами на концах, но одна была явно короче другой, со следами малиново-синей губной помады.

– Нет, спасибо.

Она вытащила короткую недокуренную сигарету и сунула ее в рот.

– Знаешь, что бы я сделала на твоем месте? – Ее губы, огибая коричневый фильтр, казались парочкой миниатюрных надувных матрацев, покрытых блестящей голубоватой глазурью.

– И что же?

Она выудила из сумочки зажигалку. Точно такие продают в табачно-антикварных лавках. Скоро их тоже прикроют, как он слышал. Она щелкнула и прикурила. Втянула дым, задержала, выпустила, отвернувшись от Райделла.

– Я бы, твою мать, растворилась в воздухе.

Он оглянулся на «Счастливого дракона» и увидел, как Дариус что-то говорит мисс Хвалагосподу Сгиньсатана, кассиру-контролеру ночной смены. У Хвалагосподу было отменное чувство юмора, что, как считал Райделл, и неудивительно – с таким-то именем. Ее родители были членами особо ревностной секты южнокалифорнийских неопуритан и взяли фамилию Сгиньсатана еще до того, как родилась Хвалагосподу. Все дело в том, разъясняла она Райделлу, что никто сейчас толком не понимает, что значит «сгинь», так что, если она по глупости сообщала свою фамилию, все дружно записывали ее в сатанистки. Поэтому в миру она обходилась фамилией Проуби – так звали ее папашу прежде, чем он заразился религией.

Тут Дариус сказал что-то смешное, и Хвалагосподу захохотала, откинувшись всем телом. Райделл вздохнул. Ну почему Дариус не пошел проверять поребрик первым?

– Слушай, – сказал Райделл, – я же не говорю, что ты не имеешь права здесь стоять. Тротуар – это общественное место. Просто пойми, в компании существует такая политика.

– Я докуриваю эту сигарету, – сказала она, – после чего звоню своему адвокату.

– А нельзя без лишних напрягов?

– Не-а. – Широкая, ядовито-синяя, вздутая коллагеном улыбка.

Райделл мельком глянул назад и увидел, что Дариус делает ему какие-то знаки, показывая на Хвалагосподу с телефоном в руке. Он надеялся, что они еще не звонят в ДПЛА. Почему-то он почувствовал, что у девицы действительно есть адвокат, а это совсем бы не понравилось мистеру Парку.

Дариус вышел наружу.

– Это тебя! – крикнул он. – Слышишь, из Токио!

– Прошу прощения, – сказал Райделл и отвернулся.

– Эй! – сказала она.

– Что «эй»? – он снова посмотрел назад.

– А ты симпатяга.

3
Увяз

Лейни слышит, как его моча булькает, заполняя литровую пластиковую бутылку с навертывающейся крышкой. Неловко стоять на коленях здесь в темноте, и ему не нравится, как бутылка теплеет в его руке, наполняясь. Он закручивает ее на ощупь и ставит осторожно в дальний угол от изголовья. Утром он отнесет ее, накрыв пиджаком, в мужскую уборную и там опорожнит. Старик знает: Лейни слишком болен, чтобы выползать и тащиться по коридору каждый раз, как приспичит, и у них есть соглашение по этому поводу. Лейни мочится в пластиковую бутылку и выносит ее, когда может.

Он не знает, почему старик позволяет ему торчать здесь. Он предлагал заплатить, но старик только собирает свои фигурки. На каждую уходит не меньше суток, и модели всегда безупречны. Куда они исчезают, когда он их заканчивает? И откуда берутся комплектующие детали?

По теории Лейни, старик – сэнсэй сборки, национальное достояние: знатоки всего мира присылают ему комплекты и ждут затаив дыхание, когда мастер с непревзойденным небрежным изяществом сложит винтажные «гандамы», дзэнским штрихом оставляя на каждом единственный крохотный и при этом идеальный изъян, одновременно подпись и отражение сущности мироздания. Действительно, как все несовершенно. Ничто не завершено. Всё лишь процесс, утешает себя Лейни, застегивает ширинку и валится в свое отвратительное логовище из спальных мешков.

Однако процесс оказался намного более странным, чем можно было подумать, размышляет он, сбивая угол спальника в подобие подушки, чтобы не касаться головой картона, сквозь который он чувствует твердую кафельную облицовку стены.

И все же, думает он, мне нужно оставаться здесь. И если в Токио существует место, где люди Реза меня не найдут, так это здесь. Он не совсем представляет, как тут оказался: все слегка затуманилось, когда навалился синдром. Некий сдвиг в сознании, некий сдвиг в природе восприятия. Недостаточно памяти, некий провал. Что-то не срастается.

А если он и вправду о чем-то договорился со стариком и просто забыл? Возможно, он уже покрыл все расходы, аренду, что там еще. Возможно. Поэтому старик дает ему пищу, приносит бутылки минералки без газа, терпит запах мочи. Может быть, все именно так, но он не уверен.

Здесь темно, но он видит цвета, неясные сполохи, клочья, пунктиры, движение. Как будто следы информационных потоков «Дейтамерики» остались с ним навсегда, впечатанные в сетчатку. Ни лучика света не проникает снаружи из коридора – он залепил черной лентой все булавочные проколы, и теперь стариковская галогенная лампа отключена. Он допускает, что там, за стеной, старик спит, но он никогда не видел его спящим, не слышал ни звука, который бы мог означать переход ко сну. Возможно, старик спит, сидя прямо на татами, «гандам» в одной руке, кисть в другой.

Иногда ему слышится музыка в соседних коробках, но смутно, как будто жильцы надевают наушники.

У него нет ни малейшего представления о том, сколько людей живет в этом коридоре. Судя по всему, здесь хватит места на шестерых, но он видел и больше, а может, они ночуют посменно. Он не сильно понимает по-японски, даже спустя восемь месяцев, а если бы и понимал, все равно эти люди чокнутые и говорят они только о том, о чем говорят чокнутые.

И конечно, любой, кто бы увидел его здесь и сейчас, температурящего, на куче спальников, с его шлемом и сотовым портом для обмена данными, с его бутылкой остывающей мочи, решил бы, что он тоже чокнутый.

Но он вовсе не чокнутый. Он знает, что он не чокнутый, несмотря ни на что. Да, теперь у него синдром, болезнь, настигающая каждую жертву опытов, что проводились в том гейнсвилльском приюте, но он вовсе не чокнутый. Он лишь одержимый. И эта одержимость имеет свою особую форму в его голове, свою особую текстуру, свой особый вес. Он знает об *этом* от самого себя, может *это* распознавать и потому возвращается к *этому* по мере надобности, чтобы проверить. Отслеживает. Убеждается, что еще не стал *этим*. Вроде как если зуб разболелся или влюбишься, сам того не желая: язык всегда находит больной зуб, ты всегда чувствуешь эту саднящую пустоту вместо возлюбленной.

Но синдром – совсем другое. Он жил отдельно от Лейни и не имел никакого отношения ни к кому и ни к чему, чем Лейни хотя бы интересовался. Почувствовав впервые, что *это* начинается, он принял как должное то, что *это* связано с ней, с Рэй Тоэй, потому что был там, рядом с ней, или близко, как только возможно находиться к чему-то, что не существует физически. Они общались почти каждый день, он – и идору.

И вначале, как он теперь подозревает, *это*, наверно, и было связано с ней, но потом он как будто отправился вспять по информационным потокам, не думая, что творит, точь-в-точь как машинально нащупываешь нить основы и начинаешь тянуть, распуская всю ткань.

И распустилось без остатка – его представление о том, как устроен мир. И за всем этим обнаружился Харвуд, который был знаменит, но знаменит в смысле «быть знаменитым своей знаменитостью». Харвуд, который, как говорят, избрал президента. Харвуд – гений пиара, унаследовавший компанию «Харвуд Левин», самую мощную в мире пиар-фирму, и поднявший ее на качественно новый уровень, сориентировав на радикально иные сферы влияния, но каким-то образом сумевший не стать жертвой механизма, производящего знаменитостей. Механизма, который мелет, как отлично знал Лейни, очень мелко. Харвуд, по слухам – лишь по слухам – вращавший все эти жернова, каким-то образом сумел не дать механизму защемить себе палец. Он, неведомо как, умудрялся быть знаменитым и при этом не выглядеть значительным, оставаться на периферии. В самом деле, на него почти никогда не обращали внимания, разве что когда он развелся с Марией Пас, и даже в тот раз героиней была сама звезда из Падуании[2], блиставшая в каждом новостном блоке, а Коди Харвуд улыбался из вереницы боковых врезок, гипертекстовых окошек: красавица и этот нерешительный с виду, скрытный, демонстративно лишенный всякой харизмы миллиардер.

– Привет, – говорит Лейни, нашаривая рукоятку примитивного механического фонарика из Непала; крохотный генератор приводится в движение устройством, похожим на скрепленные пружиной плоскогубцы.

Накачав фонарь жизнью, он упирает слабо мерцающий луч в картонный потолок. Потолок плотно залеплен множеством наклеек; маленькие прямоугольнички отпечатаны на заказ торговым автоматом, стоящим у западного входа на станцию. На всех наклейках – разнообразные фото затворника Харвуда.

Лейни не помнит, как ходил к автомату, как произвел элементарный веб-поиск фотографий Харвуда и заплатил за их распечатывание, но вполне допускает, что проделал все это. Откуда бы иначе они взялись. И точно так же не помнит, как отдирал защитную пленку с каждого фото и прилеплял его к потолку. Но кто-то проделал и это.

– Я вижу тебя, – говорит Лейни и расслабляет пальцы, отчего тусклый луч фонарика еще более мутнеет и окончательно гаснет.

[2] *Падуания* (тж. Падания) – самопровозглашенная республика на севере Италии. Центральное правительство страны не обращает на паданских сепаратистов никакого внимания, все их учреждения не имеют реальной власти.

4
Формальные отсутствия драгоценных вещей

На Маркет-стрит: безымянный мужчина, наваждение узловых конфигураций Лейни, только что видел девушку.

Утонувшая тридцать лет назад, она выступает, свежа, как первое творение, из бронзовых дверей какой-то маклерской конторы. И в тот же миг он вспоминает, что она мертва, а он – жив, и что это другое столетие, и что, вполне очевидно, это другая девушка, просто новенькая, с иголочки, незнакомка, с которой он никогда не заговорит.

Проходя мимо нее сквозь легкий расцвеченный туман подступающей ночи, он чуть заметно склоняет голову в честь той, другой, ушедшей давным-давно.

И вздыхает, колыша свое длиннополое пальто и упряжь под ним – один безропотный вдох и безропотный выдох, – среди толпы трейдеров, спешащих из своих многочисленных контор. Они заполняют осеннюю улицу, рекой текут в сторону выпивки, или обеда, или просто дома и сна, которые их ждут.

Но вот и та, с которой он никогда не заговорит, исчезает, и он содрогается, охваченный невыразимым чувством не то чтобы утраты, но обостренно осознав собственную длительность во всем мире и во всех городах, а в этом городе – особенно.

Под его правой рукой, надежно укрытый, подвешен клинок, покоящийся, словно летучая мышь, вниз острием, лезвие отточено до тонкости хирургического скальпеля.

Нож прихвачен магнитами, вставленными в нехитрую рукоятку из сплава никеля с серебром. Скошенный кончик лезвия, похожий на острый резец гравера, отклоняется в сторону пульсирующей под мышкой артерии, будто напоминая, что он тоже всего лишь в нескольких шагах от того места, куда ушла в безвременье так давно утонувшая девушка. В нескольких дюймах от той, другой, ждущей страны.

Его профессия – стражник у дверей в эту страну.

Если вынуть черный клинок, лезвие превращается в ключ. Когда он держит его, он держит в руке ветер.

Дверь мягко приотворяется.

Но он не спешит распахнуть ее настежь, и окружающие видят всего лишь строгого седовласого мужчину профессорского вида, в серовато-зеленом пальто (такого цвета бывают некоторые лишайники), – профессор часто моргает под изящной золотой оправой своих маленьких круглых очков и поднимает руку, чтобы остановить проезжающее такси. По какой-то причине трейдеры вовсе не рвутся, как вполне бы могли, заявить свои права на экипаж, и мужчина проходит мимо них, его щеки прочерчены глубокими вертикальными морщинами, будто от старой привычки часто улыбаться. Никто не видит, чтобы он улыбался.

«Дао, – напоминает он себе, застряв в пробке на Пост-стрит, – старше Бога».

Он видит нищего попрошайку, сидящего под витриной ювелирной лавки. В витрине стоят небольшие пустые подставки – формальные отсутствия драгоценных вещей, запертых где-то на ночь. Нищий обмотал ноги коричневой бумажной пленкой, и эффект получился поразительный, словно он надел рыцарские латы, изготовленные из офисных материалов. Стройные икры, изящно сужающиеся ступни, элегантность, подобающая обладателю орденских лент. Поверх мотков пленки – сам человек, будто смазанное пятно, загогулина, его личность растерта бетоном и неудачами. Он слился цветом с мостовой, его расовая принадлежность неопределенна.

Такси медленно продвигается вперед. Мужчина сует руку за пазуху, чтоб развернуть лезвие ножа от ребер. Он левша, и ему приходится часто задумываться о таких тонкостях.

Девушка, утонувшая так давно, ныне уже покоится на дне, утянута вниз вихрем рыжеватых волос и притупившихся воспоминаний, туда, где его юность мягко колышется своими привычными течениями, и ему становится легче.

Прошлое – это прошлое, будущее еще бесформенно.

Есть только мгновение, именно в нем он предпочитает пребывать.

И вот он, склонившись, стучит водителю один раз в затемненную защитную перегородку.

Просит остановиться у моста.

Такси тормозит около изъеденной дождем свалки бетонных противотанковых заграждений – огромных ромбоидов, покрытых ржавыми потеками и замысловатыми инициалами давних любовных парочек.

Эта баррикада наверняка занимает почетное место в здешней романтической мифологии и является темой многих популярных баллад.

– Простите, сэр, – говорит ему таксист через несколько слоев защитного пластика и цифровой переводчик, – не будете ли вы так любезны высадиться здесь? Этот район опасен. И я не смогу вас дожидаться.

Вопрос формальный, требование закона, во избежание судебных исков.

– Спасибо. Мне ничего не грозит. – Его английский так же формален, как у программы-переводчика.

Ему слышится мелодичный стрекот, его слова звучат на некоем азиатском наречии, которого он не узнает. Карие глаза таксиста оглядывают его, мягкие и бесстрастные, сквозь защитные очки и перегородку – многократные слои отражений.

Водитель открывает магнитный замок.

Мужчина выходит из такси, расправляя пальто. За противотанковыми заграждениями высятся ощетиненные, устремленные вверх террасы, лоскутная надстройка, в которую завернут мост. Косвенно его мозг осознает: это знаменитое место, открытка для туристов, символ города.

Он захлопывает дверцу, и машина отъезжает, оставив после себя в воздухе карамельную сладость отработанного газойля.

Он стоит, глядя на мост, на посеребренную облицовку бессчетных крохотных жилищ, это напоминает ему фавелы в Рио, хотя масштаб составных частей несколько иной. В этой надстройке есть что-то сказочное по контрасту с опорными конструкциями основы моста. Индивидуальные укрытия – если это действительно укрытия – очень малы, пространство здесь доминирует. Он помнит, что видел вход в нижний дорожный ярус, по бокам освещенный оплывшими факелами, хотя теперь, как он знает, местные жители по большей части сотрудничают с городскими властями в противодействии всеобщему загрязнению.

– «Плясуна» не желаете?

В тени между бетонными сооружениями она держит в ладонях миниатюрный пузырек. Отвратительная гримаса как способ облегчить процесс торговли. Этот наркотик постепенно разрушает десны, отмечая тех немногих, кто переживает его прочие побочные эффекты, характерным жутким оскалом.

Он отвечает взглядом настолько твердым, что в ее глазах вспыхивает панический ужас и она исчезает.

Рыжеватые волосы извиваются в бездне.

Он опускает взгляд на носки своих туфель. Черные и четко очерченные на фоне случайной мозаики утрамбованного мусора.

Перешагнув пустую жестянку из-под пива «Королевская кобра», он идет между двух ромбоидов прямо к мосту.

Недобры тени, сквозь которые он движется, тени от его ног словно лезвия еще более глубокой тьмы. Это зловещее место, куда приходят волки в ожидании слабых овец. Он не боится ни волков, ни прочих хищников, которых только мог породить город, – ни сегодня не боится, никогда. Он просто наблюдает все эти вещи, живет мгновением.

Он позволяет себе предвосхитить вид, который ожидает его за последним ромбоидом: отверстая пасть, врата в его мечту, в его память, где торговцы рыбой раскладывают свой товар на прилавках, устланных грязным льдом. Вечная толкотня, прилив и отлив, пульс города.

И выходит в ослепляющий свет, красный росчерк псевдонеона тлеет над ровным изгибом сингапурского пластика.

Память предана.

Кто-то второпях шаркает мимо, не разбирая пути, слишком близко, и чуть не умирает, магниты слетают с тихим щелчком, который скорее чувствуешь, нежели слышишь. Но клинок остается под пальто, и пьяница, спотыкаясь, бредет дальше, не ведая, что был на волосок от смерти.

Он возвращает рукоятку на место и холодно смотрит на непредвиденное новшество: «Счастливый дракон» – извивается безликая вывеска по ребру или пилону, чье основание, кажется, сложено из десятка-другого видеомониторов.

5
Статика и марьячи[3]

– Значит, ее увел у тебя этот телепродюсер, – сказал кантри-певец, запихивая недопитую бутылочку водки обратно за пояс джинсов цвета индиго, таких новых и тугих, что поскрипывали.

Вогнутая плоская бутылка примостилась под старинной пряжкой, похожей на гравированную мемориальную доску, – вероятно, решил Райделл, в честь победы на родео или еще каком таком состязании. Райделл чуть приспустил боковое стекло, чтобы выветрились алкогольные пары.

– Координатор производства, – уточнил Райделл, мысленно желая пассажиру, которого звали Бьюэлл Кридмор, поскорее опять отрубиться.

Тот проспал изрядную часть пути, слегка похрапывая, и Райделла это вполне устраивало. Кридмор был другом или, скорее, знакомым Дариуса Уокера. Дариус некогда работал наркодилером в южном Лос-Анджелесе и подсел на свое же дерьмо. Теперь, излечившись, он проводил много времени с людьми, у которых были проблемы с наркотиками, пытался им как-то помочь. Райделл решил считать Кридмора одним из них, хотя по всем внешним признакам парень был обычным алкашом.

– Да уж, с той штучкой ты крепко обжегся, – сказал Кридмор, его залитые спиртным глаза напоминали щелочки.

Он был невысокий, очень жилистый – мышцы не качка, но землекопа. То, что Райделл принял за многослойный налет искусственного загара, начало облезать, обнажая природную бледность. Выбеленные волосы, темные у корней, были зализаны назад и закреплены каким-то составом, будто парень только что вышел из душа. Однако вряд ли он был в душе, он потел, несмотря на включенный кондиционер.

– Ну, – сказал Райделл, – я решил, что ей виднее.

– Это что еще за долбаная лажа? – спросил Кридмор. Вытащил бутылку из-за пояса и, сощурившись, прикинул, сколько там осталось от четырехсот граммов, как плотник, проверяющий уровень; оказалось, уровень не соответствует его стандарту на данный момент, и он вернул бутылку на место, за мемориальную доску. – Ты у нас не либераст часом, а?

Не притормозить ли у обочины, подумалось Райделлу, не отмудохать ли Кридмора до потери сознания и бросить прямо там же, на краю Пятой автострады, – пусть добирается до Сан-Франциско как хочет. Но делать он этого не стал и ничего не стал отвечать.

– Кобели не должны подставляться, как сучки, вот что сегодня не в порядке с Америкой.

Райделл подумал о запрещенных приемах, о коротком и точном пережатии сонной артерии. Может, Кридмор даже не вспомнил бы, что Райделл с ним нечто этакое проделал. Но это не вырубит его полностью, по крайней мере надолго, а Райделла еще в Ноксвилле научили, что нельзя рассчитывать на реакцию пьяницы, так как пьяница на все реагирует непредсказуемо.

– Эй, Бьюэлл, так чья же это все-таки машина? – спросил Райделл.

Кридмор замолчал. Явно напрягся.

Райделл с самого начала подозревал, что машина может быть краденой. На самом деле думать об этом он совсем не хотел, так как ему требовалось в кратчайшие сроки добраться до Северной Калифорнии. Билет на самолет ему пришлось бы выкраивать из выходного пособия

---

[3] «I hear Mariachi static on my radio» – из песни «Carmelita» американского автора-исполнителя Уоррена Зивона, впервые исполненной канадским певцом Мюрреем Маклохленом в 1972 г., а самим Зивоном – на альбоме «Warren Zevon» (1976); также известен кавер Линды Ронстадт (альбом «Simple Dreams», 1977).

«Счастливого дракона», а с тратами надо бы осторожнее, пока он не определится, чем пахнет эта странная байка Ямадзаки – будто бы в Сан-Франциско ему светит какой-то заработок.

Ох, темнит Ямадзаки, сказал себе Райделл. Он так и не выяснил толком, чем, собственно, тот занимается. Что-то вроде японского антрополога на вольных хлебах, изучающего американцев, – насколько понимал Райделл. Возможно, японский эквивалент тех американцев, которых нанял «Счастливый дракон», чтобы рассказали им о необходимости «проверять поребрик». Хороший парень этот Ямадзаки, вот только непонятно, что ему надо. В прошлый раз Ямадзаки просил, чтобы Райделл нашел ему «серьезного нет-раннера», и Райделл отправил к нему этого Лейни, количественного аналитика, который только что ушел из «Слитскана» и прохлаждался в «Шато», накапливая здоровенный долг. Лейни ухватился за предложение, отправился в Токио, и впоследствии Райделла уволили за то, что было названо «чрезмерно близкими отношениями с гостями». Так вот, в общих чертах, и вышло, что Райделл оказался ночным охранником в захудалой лавчонке – потому что пытался помочь Ямадзаки.

И вот он гонит родстер «хокер-айти» по Пятой автостраде, без вариантов трезвый водитель, и понятия не имеет, что его ждет впереди, вяло прикидывая, не перевозит ли сейчас угнанный автомобиль через границу штата. И все потому, что Ямадзаки сказал, дескать, все тот же Лейни в Токио хотел бы нанять его на какую-то «полевую работу». Так именно и сказал Ямадзаки – «полевая работа».

И этого, особенно после беседы с Дариусом, Райделлу хватило.

«Счастливый дракон» начал Райделла утомлять. К тому же он никогда толком не ладил с мистером Парком, и когда уходил на перерыв на задний двор сразу после «проверки поребрика», настроение его совсем падало. Клочок земли, куда поставили «Счастливого дракона», был словно выкопан экскаватором у подножия ближайшего холма, и в одном месте совершенно голый, почти отвесный срез был защищен от оползней, на случай подземных толчков, странным каучукоподобным полимером серого цвета, не жидким и не твердым, который напрочь схватывал почву и был сплошь утыкан колесными колпаками, так как раньше тут была автостоянка. Колпаками, и бутылками, и прочей мусорной дрянью. В депрессии, сопровождавшей эти перерывы на заднем дворе, Райделл стал собирать пригоршнями камешки и со всей силы швырять в полимер. Ударялись они почти беззвучно; в сущности, они полностью исчезали. Просто врезались в эту странную массу, и она смыкалась за ними как ни в чем не бывало. Райделл стал видеть в этом символ чего-то более значительного, будто он сам, подобно этим камешкам, летит через пространство и будто этот полимер – сама жизнь: затягивается над ним, не оставляя даже намека на то, что он когда-то жил.

Когда Дариус приходил на свой перерыв и говорил Райделлу, что пора бы и назад в магазин, то иногда заставал Райделла за этим занятием – киданием камешков.

– Попади в колпак, – советовал ему Дариус. – Кокни бутылку.

Но Райделлу не хотелось.

Когда Райделл поведал Дариусу о Ямадзаки и Лейни и о деньгах, возможно ожидающих его в Сан-Франциско, Дариус выслушал очень внимательно, задал пару вопросов, а потом посоветовал Райделлу даже не раздумывать.

– А как насчет уверенности в завтрашнем дне? – спросил Райделл.

– Уверенности? Это же дерьмо, не работа! Спятил ты, что ли?

– Льготы, – парировал Райделл.

– А ты хоть раз пользовался здешней медицинской страховкой? За ней надо гнать в Тихуану.

– Я так не могу, – сказал Райделл, – просто взять и свалить.

– Поэтому тебя и увольняют с любой работы, – объяснил Дариус, – я читал твое личное дело.

В общем, Райделл вручил мистеру Парку письменное заявление, и мистер Парк моментально уволил его, припомнив многочисленные нарушения Райделлом порядков «Счастливого дракона», вплоть до предложения медицинской помощи жертве столкновения с автомобилем на Сансет – поступок, который, как настаивал мистер Парк, мог вовлечь головную корпорацию «Счастливого дракона» в разорительную тяжбу по поводу страховки.

– Но она вошла сюда без посторонней помощи, – запротестовал Райделл, – и все, что я сделал, – предложил ей бутылку чая со льдом и вызвал дорожный патруль.

– Пройдоха адвокат заявлять, чай со льдом вызвать у ней системный шок.

– В задницу шок.

Но мистер Парк знал, что если он уволит Райделла, то расчетный чек будет меньше, чем если Райделл свалит по собственному желанию.

Хвалагосподу, которая обычно проливала слезу, если кто-то уходил, всплакнула, сдавила его в объятиях, а напоследок сунула ему тайком пару бразильских солнцезащитных очков с GPS, встроенным телефоном и AM/FM-радио, чуть ли не самую дорогую статью ассортимента «Счастливого дракона». Райделл попытался отказаться, зная, что пропажа обязательно всплывет при ближайшей инвентаризации.

– В задницу инвентаризацию, – заявила Хвалагосподу.

Вернувшись в свою клетушку над гаражом миссис Сикевиц, в шести кварталах от Сансет, Райделл вытянулся на узкой кровати и попытался заставить работать радио, встроенное в очки. Сквозь гудение статики еле-еле различалось что-то похожее на музыку марьячи, и это все, чего он смог добиться.

Чуть больше ему повезло с GPS, трекбол управления которым был вмонтирован в правую дужку. Пятнадцатиканальный приемник, казалось, четко держал сигнал, но инструкция была переведена отвратительно, и Райделл мог только переключаться с крупного плана на общий в схеме улиц, как он вскорости понял, Рио-де-Жанейро, а не Лос-Анджелеса. Ну и пусть, решил он, снимая очки, я все равно разберусь с этой штукой. Тут у левого виска запищал телефон, и он снова надел очки.

– Да?

– Райделл, здорово!

– Привет, Дариус!

– Хочешь завтра проехаться до Северной Калифорнии в клевой новенькой тачке?

– Кто туда навострился?

– Зовут Кридмор. Знает одного парня, с которым я знаком по программе.

У Райделла как-то был дядя, состоявший в масонах, и программа, где был занят Дариус, напомнила ему об этом.

– Да уж… Нет, в смысле, с ним все о'кей?

– Похоже, что нет, – радостно сказал Дариус. – Так что парню нужен водитель. У него новенькая электрическая тачка, три недели как от дилера, которую позарез надо туда перевезти, и парень говорит, что на тачке можно ехать. Ты же крутил когда-то баранку, да?

– Было дело.

– Короче, это бесплатно. Этот тип Кридмор заплатит за подзарядку.

Вот таким образом Райделл оказался за рулем двухместного «хокер-айти», одного из этих низкопосаженных клиновидных образцов умных материалов, который, возможно, весил – без людей – чуть меньше парочки небольших мотоциклов. Казалось, во всей конструкции нет и грамма металла, просто обтекаемые сэндвичи вспененного пластика, прошитые для прочности угольными волокнами. Двигатель помещался сзади, аккумуляторы были распределены равномерно внутри самих сэндвичей, одновременно служивших и шасси и кузовом. Райделл и знать не хотел, что случится, если во что-нибудь врежешься на такой таратайке.

Однако она, черт возьми, почти совсем не шумела, превосходно слушалась руля и неслась вперед, как летучая мышь, только разгонись. Что-то в этой машине напоминало Райделлу о горизонтальном велосипеде, на котором он когда-то ездил, только здесь не нужно было жать на педали.

– Ты так мне и не сказал, чья это тачка, – напомнил Райделл Кридмору, только что проглотившему последние остатки водки (на два пальца).

– Одного дружка, – сказал Кридмор, приспустив стекло и выкинув пустую бутылку.

– Эй, – сказал Райделл, – это десять тонн штрафа, если тебя сцапают.

– Пусть на прощанье поцелуют нас в задницу, и хватит с них, – ответил Кридмор. – Сучьи ублюдки, – добавил он, после чего закрыл глаза и уснул.

Райделл вдруг обнаружил, что опять вспоминает о Шеветте. Жалея, что вообще позволил певцу втянуть себя в разговор. Он знал, что не хочет об этом думать.

Просто жми вперед, вот и все, сказал он себе.

На коричневом склоне холма, справа от трассы, белые крылья чьей-то ветряной мельницы. Свет предвечернего солнца.

Просто жми вперед, вот и все.

6
Силенцио

Силенцио достается носить. Он самый маленький, кажется почти пацаном. Сам не торчок, но если копы схватят его, ничего им рассказать не сможет. Во всяком случае, про гадость.

Силенцио уже какое-то время таскается за Крысуком и Плейбоем, смотрит, как они торчат, как они добывают бабки, которые им нужны, чтобы торчать еще и еще. Крысук делается злым, когда ему хочется заторчать, и Силенцио навострился в таких случаях держаться подальше от его ног и кулаков.

У Крысука длинный узкий череп, он носит контактные линзы с вертикальными радужками, как у змеи. Силенцио интересно: специально ли Крысук придумал выглядеть будто крыса, проглотившая змею, и теперь эта змея глядит наружу сквозь глазницы крысы? Плейбой говорит, что Крысук – это *pinche Chupacabra*[4] из Уотсонвилля, а они все там так выглядят.

Плейбой крупный, его туша обтянута длиннополым пальто, под которое надеты джинсы и старые рабочие сапоги. Он носит усы а-ля Панчо Вилья[5], желтые очки-авиаторы и черную федору[6]. Он подобрее с Силенцио, покупает ему буррито[7] с лотков, воду, жестянки попкорна, а один раз купил большую картонку фруктового напитка с мякотью.

Силенцио интересно: а может, Плейбой – его отец? Он не знает, кем бы мог быть его отец. Его мать чокнутая, торчит в своих лос-прожектос[8]. На самом деле он вовсе не думает, что Плейбой – его отец, потому что помнит, как встретил Плейбоя на рынке на Брайант-стрит, и это вышло по чистой случайности, но иногда ему все-таки интересно – когда Плейбой покупает ему поесть.

Силенцио уселся и смотрит, как Крысук и Плейбой торчат, прямо за этим пустым лотком, воняющим гнилыми яблоками. Крысук сунул в рот небольшой фонарик, поэтому видит, что делает. Сегодня черная ночь, и Крысук надрезает маленькую пластиковую трубку специальным ножом, рукоятка длинней, чем короткое гнутое лезвие. Все трое сидят на пластиковых упаковочных ящиках.

Крысук и Плейбой торчат от черного два, а может, три раза в сутки – и днем и ночью. Три раза по черному, а потом им нужно заторчать и от белого. Белое подороже, но когда слишком много черного, они начинают говорить быстро-быстро, а может, и видят людей, которых тут нет. «Разговор с Иисусом» – так это называет Плейбой, но белое он называет «прогулка с королем». Но это совсем не прогулка: от белого они не двигаются, молчат и спят. Силенцио предпочитает белые ночи.

Силенцио знает, что они покупают белое у черных, а черное – у белых, и думает, что как раз эту тайну изображает картинка, которую Крысук носит на цепочке на шее: черная слеза и белая слеза, изгибаясь, сливаются вместе, и выходит окружность; в белой слезе небольшой кружок черного, в черной слезе – небольшой кружок белого.

Чтобы добыть деньги, они заговаривают с людьми, обычно в темных местах, так что люди пугаются. Иногда Крысук показывает им нож, а Плейбой в это время держит их за руки, чтобы не убежали. Деньги – внутри маленьких пластиковых чеков, на которых напечатаны бегущие картинки. Силенцио хотел бы оставлять у себя эти чеки, когда все деньги в них кончаются,

---

[4] Букв. «гад (змея) чупакабра» (*исп.*); латиноамериканский сленг, пародия на латинскую зоологическую номенклатуру.

[5] *Панчо Вилья – Франсиско Вилья* (Доротео Аранлья, 1877–1923), руководитель крестьянского движения на Севере Мексики в период Мексиканской революции 1910–1917 гг.

[6] *Федора* – фасон мягкой фетровой шляпы.

[7] *Буррито* – мексиканская лепешка с начинкой из мяса, сыра или бобов.

[8] Los projectos (*исп.*) – букв. «новостройки», нищие латиноамериканские кварталы.

но делать так нельзя. Плейбой их выкидывает, перед тем тщательно протирая. Он бросает их в щели на обочине улицы. Он не хочет, чтобы на них оставались отпечатки его пальцев. Иногда Крысук делает людям больно, чтобы они выдали ему заклинания, которые вызывают деньги из бегущих картинок. Заклинания – это фамилии, буквы и цифры. Силенцио помнит все заклинания, которые выпытали Крысук и Плейбой, но сами они об этом не догадываются; если бы он им сказал, они бы, наверно, рассердились.

Все трое спят в комнате, которая в Миссии. Плейбой сразу стаскивает матрац с кровати и кладет его на пол. Плейбой спит на матраце. Крысук – на голой кровати. Силенцио спит на полу.

Крысук разрезает трубку и кладет половину черного на палец Плейбоя. Плейбой лижет свой палец, чтобы черное прилепилось. Плейбой сует палец в рот и втирает черное в десны. Силенцио интересно, какое оно на вкус, но он не хочет разговаривать с Иисусом. Теперь и Крысук втирает черное в десны, фонарик забыт и зажат в свободной руке. Крысук и Плейбой похожи на идиотов, но Силенцио не смешно. Скоро им снова захочется заторчать, а черное даст им энергию, чтобы добыть необходимые для этого деньги. Силенцио знает, что денег нет, потому что все они не ели со вчерашнего дня.

Обычно они находят людей в темных местах между большими фигурами в начале Брайант-стрит, но теперь Крысук думает, что полиция наблюдает за теми местами. Крысук как-то рассказывал Силенцио, что полиция видит и в темноте. Силенцио глядел на полицейских, когда они проезжали мимо в своих машинах, и все гадал, как это полиция видит и в темноте.

Но сегодняшней ночью Крысук вывел их на охоту на мост, где живут люди, и говорит, что здесь они найдут деньги. Плейбою не нравится этот мост, потому что люди с моста, говорит он, все *pinche*[9]; они не любят, когда на их территории орудуют чужаки. Крысук же уверен, что чует удачу.

Крысук швыряет пустой пузырек в темноту, и Силенцио слышит, как тот обо что-то негромко стукается.

Змеиные зрачки Крысука расширены от черного. Он проводит пятерней по волосам от лба до затылка и делает знак рукой. Плейбой и Силенцио следуют за ним.

Силенцио второй раз проходит мимо бодеги[10], следя за мужиком в длинном пальто, пока тот сидит за маленьким белым столиком, пьет свой кофе.

Крысук говорит, какое клевое пальто. Смотри, какие у старика очки, говорит Крысук, они же золотые. Силенцио думал, что у Плейбоя тоже золотые, но у плейбоевских желтые стекла. А у этого мужика стекла очков простые. У него седые, очень коротко стриженные волосы, и глубокие морщины прорезали лицо. Он сидит в одиночестве, глядя на самую маленькую чашечку кофе, какую Силенцио видал в жизни. Кукольная чашечка.

Они дошли за стариком до этого места. Он двигался к Острову Сокровищ. Плейбой говорит, что эта часть моста – для туристов. Здесь есть винные погреба, магазины со стеклянными окнами, много прохожих.

Теперь они ждут, чтобы понять, куда двинет старик, покончив со своим лилипутским кофе. Если он двинет обратно, к Брайант-стрит, тогда будут трудности. Если двинет дальше на Остров, Крысук и Плейбой будут счастливы.

Обязанность Силенцио – подать им знак, что мужчина уходит.

Силенцио, проходя мимо, чувствует на себе взгляд старика, но старик лишь рассматривает толпу.

---

[9] Гады (*исп.*).

[10] Bodega (*исп.*) – винный погреб.

Силенцио смотрит, как Крысук и Плейбой идут за мужиком к Острову Сокровищ.

Теперь они на нижнем ярусе моста, и Силенцио время от времени смотрит наверх, на дно следующего яруса – краска там облупилась. Это напоминает ему стену в лос-прожектос. Здесь почти нет людей. Почти нет огней. Мужик идет легкой походкой. Он не торопится. Силенцио чувствует, что тот всего лишь прогуливается, что идти ему, собственно, некуда. Силенцио чувствует, что старику ничего не нужно: он не ищет денег, чтобы поесть или заторчать. Должно быть, потому, что у него и так есть деньги, которые нужны, чтобы поесть или заторчать, по этой-то причине Крысук и Плейбой выбрали его, они поняли, что у него есть деньги, которые им нужны.

Крысук и Плейбой стараются держать мужика в поле зрения, но близко не подходят. Идут как будто и не вместе. Плейбой держит руки в карманах своего большого пальто. Он снял очки с желтыми стеклами, под глазами у него черные круги, как у всех, кто торчит на черном. Он выглядит печальным, когда собирается добыть деньги, чтобы заторчать. Он выглядит так, будто слушает очень внимательно.

Силенцио следует за этими троими, время от времени оглядываясь. В данный момент его задача – поднять тревогу, если кто-то появится.

Мужик останавливается и смотрит в витрину магазина. Силенцио делает шаг назад и прячется за тележкой, груженной рулонами пластика, видит, как Крысук и Плейбой встают за другими укрытиями на тот случай, если мужик оглянется. Нет, не оглядывается, но Силенцио подозревает, что мужик рассматривает в витрине отражение улицы. Силенцио и сам так делал.

Мужик все стоит, держа руки в карманах длинного пальто, и смотрит в витрину.

Силенцио расстегивает джинсы и тихонько мочится на рулоны пластика, осторожно, чтобы не наделать шума. Застегивая джинсы, видит, что мужик отошел от витрины и по-прежнему движется в сторону Острова Сокровищ, где, говорит Плейбой, есть люди, которые живут как звери. У Силенцио, видавшего в жизни лишь собак, голубей и чаек, в голове моментально возникает картинка: крылатые люди с собачьими клыками. Раз возникнув, картинка остается в голове у Силенцио.

Выйдя из-за тележки одновременно с Крысуком и Плейбоем, которые последовали за мужиком, Силенцио замечает, как тот вдруг сворачивает направо. Исчез. Мужик исчез. Силенцио яростно моргает, трет кулаками глаза и смотрит еще раз. Крысук и Плейбой прибавили шагу. Они не пытаются прятаться. Силенцио тоже скачет вприпрыжку, чтобы не потеряться, и оказывается на том месте, где свернул мужик. Узкая спина Крысука скрывается за углом вслед за Плейбоем и исчезает.

Силенцио замирает. Чувствует, как колотится сердце. Делает шаг вперед и выглядывает из-за угла.

Это место, где по всем признакам должен быть магазин, но магазина там нет. Сверху свисают широкие листы пластика. Деревянные брусья, сплошные рулоны пластика. Мужик стоит там.

Он стоит у дальней стены и переводит взгляд с Плейбоя на Крысука, с Крысука на Силенцио. Смотрит сквозь круглые стекла очков. Силенцио чувствует, что мужик спокоен.

Плейбой направляется к мужику, перешагивая брусья и пластик. Плейбой молчит. Руки он все еще держит в карманах пальто. Крысук не двигается, он наготове и на глазах мужика вытаскивает свой нож и со щелчком, демонстративно раскрывает.

Лицо мужика не дрогнуло, а Силенцио помнит лица других людей и страх в их глазах, когда они видели нож Крысука.

В этот момент Плейбой спрыгивает с деревянного бруса, выдергивает руки из карманов, чтобы схватить человека за плечи и резко повернуть. Вот как все делается.

Силенцио видит, что мужик слегка пошевелился, а может, ему это кажется.

Все замирают.

Силенцио точно видел, как левая рука мужика метнулась под складки длинного пальто, которое только что было застегнуто. Но он не заметил, как получилось, что тот стоит, почти уже уперев свой кулак Плейбою в середину грудной клетки, выставив большой палец. Плейбой остолбенел. Его руки нелепо застыли, пальцы растопырены.

Силенцио смотрит, как Плейбоевы руки хватают воздух. Правая рука мужика медленно поднимается, чтобы оттолкнуть Плейбоя, а из Плейбоевой грудной клетки медленно появляется тонкая черная штуковина. Силенцио становится интересно, давно ли он там ее прятал, а Плейбой навзничь валится на рулоны пластика и деревянные брусья.

Силенцио слышит, как кто-то кричит «pinche madre»[11], и это, конечно, Крысук. Когда Крысук торчит от черного и дерется, он очень быстрый, и ни за что не угадаешь, что он сделает; он калечит людей и трясется, смеясь, оскаливая зубы. Сейчас он прыгает вниз по рулонам пластика, будто летит, нож сверкает в его руке, и перед глазами Силенцио возникает картинка – человек с крыльями и собачьими клыками, а оскал Крысука точно такой, его змеиные зрачки расширены от черного.

И черная штука, как длинный и влажный палец, протыкает насквозь шею Крысука. И все замирает снова.

Потом Крысук пытается что-то сказать, кровь выступает в него на губах. Он хочет достать мужика своим ножом, но нож рассекает лишь воздух и наконец выпадает из руки Крысука.

Мужик вынимает черную штуковину из горла Крысука. Крысук шатается на ослабевших ногах, и Силенцио вспоминает, как тот, бывало, переберет белого и пытается ходить. Крысук хочет обеими руками сжать горло. Его губы шевелятся, но слова не выходят. Один из змеиных глаз Крысука выпадает. Под ним настоящий глаз, круглый и карий.

Крысук валится на колени, все еще сжимая горло руками. Его глаза – змеиный и карий – глядят снизу на мужика, и Силенцио чувствует, что смотрят они уже из другого мира и видят уже другие картины.

Из горла Крысука вырывается негромкий слабый звук, после чего он заваливается назад, по-прежнему стоя на дрожащих коленях, падает на спину с широко разведенными коленями, поджав обе ноги под задницу.

Силенцио видно, как серые штаны Крысука темнеют в промежности.

Силенцио смотрит на мужика. Тот глядит на него.

Силенцио смотрит на черный клинок, тот спокоен в руке мужика. Чувствуется, что клинок владеет мужиком, а не мужик – клинком. Что клинок может приказать мужику действовать.

Но вот мужик поворачивает клинок. Кончик у того почти квадратный, будто обрубленный. Клинок поворачивается еле заметно. Силенцио понимает, что это команда – ему.

Он делает шажок вбок, чтобы мужик его видел.

Клинок снова поворачивается. Силенцио понимает команду.

Ближе.

[11] Букв. «чертова мать» (*исп.*).

7
Коммуналка

Однажды Тесса сказала Шеветте: оставь без присмотра пустой дом в Малибу – и кто ни попадя сползет с холмов и станет жарить собачатину у тебя в камине.

От этой швали трудно избавиться, а замки их ничуть не смущают. Вот почему нормальные люди, привыкшие жить здесь еще до Слива, охотно сдают свои дома студентам.

Тесса была австралийкой, студенткой, изучавшей теорию медиа в университете Южной Калифорнии, и причиной, по которой Шеветта жила здесь, в основном валяясь на диване.

Ко всему вышесказанному добавьте тот факт, что у Шеветты не было ни работы, ни денег и она только что сбежала от Карсона.

Тесса сказала, что Карсон просто кусок дерьма.

И поглядите, куда меня занесло, думала Шеветта, накручивая педали на тренажере, который имитировал швейцарскую горную дорогу, и стараясь игнорировать вонь заплесневелого белья, доносившуюся из-за кирпичной перегородки. Кто-то оставил мокрое белье прямо в машине, скорее всего в прошлый вторник, перед пожаром, и теперь оно там прокисало.

Что было неудачно, поскольку весьма затрудняло гонки на велотренажере. Этот тренажер мог принимать конфигурацию разных велосипедов и создавать иллюзию разных ландшафтов, но Шеветта обожала именно этот старомодный десятискоростник со стальной рамой, на котором неслась сломя голову по горной дороге, да так, что альпийские цветы у обочины размывались в неясные полосы на периферии зрения. Другим ее любимчиком был «крейсер» на шинах-аэростатах для гонок по пляжу, что было неплохо в Малибу, поскольку в реальности гонять по пляжу было нельзя, если, конечно, вам не хотелось карабкаться через ржавую колючую проволоку и игнорировать предупреждения «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ», торчащие через каждую сотню футов.

Однако вонь от прокисших носков, ну точно в раздевалке спортзала, продолжала догонять ее, и не было в этой вони ни намека на цветущие альпийские луга, и вонь говорила Шеветте, что у нее нет ни цента и нет работы и что она прозябает в кондоминиуме в Малибу.

Дом стоял прямо на пляже, проволока тянулась в десятке метров от черты прибоя. Никто не знал точно, что же «слилось», так как госслужбы упорно молчали. Что-то с грузовоза, говорили одни, а другие твердили, что это было судно с отходами, затонувшее в шторм. Однако правительство использовало наноботы, чтобы расчистить заразу; на этом сходились все, и вот почему считалось, что гулять на пляже не стоит.

Шеветта нашла тренажер почти сразу, как попала сюда, и гоняла на нем два-три раза в день или, как вот сейчас, глубокой ночью. Казалось, больше никто не проявлял к нему интереса и даже не заглядывал в эту маленькую комнатенку, пристрой гаража, рядом с прачечной, что вполне Шеветту устраивало. Живя на мосту, она привыкла быть среди людей, но там каждый всегда занимался делом. В коммунальном доме же было полно студентов южнокалифорнийского университета, занимавшихся теорией медиа, и они ей действовали на нервы. Они торчали в сети сутки напролет и трепались об этом и, казалось, ровным счетом ничего не делали.

Она почувствовала, что повязка интерфейсвизора промокла и пот потек по лицу. Она сейчас здорово вжарила; ощущалось напряжение именно тех мышц спины, до которых обычно дело не доходило.

Тренажер гораздо лучше справлялся с имитацией желто-зеленого велосипедного лака, чем рычагов переключения скоростей, – это она заметила. Рычаги были какие-то мультяшные, дорожное покрытие неслось под ними, смазываясь в стандартную текстурную карту. Облака,

наверно, тоже были «условным обозначением», подними она взгляд; типовая фрактальная ерунда.

Она была определенно не слишком счастлива от своего пребывания здесь, да и от своей жизни в общем и целом на данном этапе. Она разговорилась об этом с Тессой после обеда. Ну, скажем так, разругалась.

Тесса хотела снять документальный фильм. Шеветта знала, что такое документальный фильм, – Карсон работал на телеканале «Реальность», по которому шли исключительно документальные фильмы, так что Шеветте в свое время пришлось просмотреть их сотнями. В результате она, как теперь думала, усвоила массу информации ни о чем конкретном, в том числе ничего конкретного о том, что ей вроде бы реально стоило знать. Например, что конкретно ей делать сейчас, раз уж жизнь занесла ее в такое место.

Тесса хотела съездить с ней в Сан-Франциско, но Шеветта испытывала смешанные чувства по этому поводу. Темой документального фильма, который желала снять Тесса, были маргинальные сообщества, и Тесса сказала, что, дескать, Шеветта как раз принадлежала к одному из них, потому что жила на мосту. «Маргинальный» значит «находящийся на обочине», и Шеветта считала, что в этом определении, как ни крути, есть толика смысла. И она действительно скучала по жизни в Сан-Франциско, скучала по тамошним людям, но ей не хотелось об этом думать. Из-за того, как все сложилось после ее приезда сюда, из-за того, что ни с кем не общалась.

Просто жми на педали, сказала она себе, уже достигнув иллюзорной вершины. Переключи передачу. Жми еще сильней. Поверхность дороги стала местами стеклянно поблескивать: симулятор не поспевал обновлять картинку.

– Наплыв. – Голос Тессы.

– Черт, – сказала Шеветта, сорвав с лица визор.

Платформа камеры, как надутая гелием подушка из серебристого майлара, на уровне глаз в открытом дверном проеме. Детская игрушка с небольшими пропеллерами в сетчатых кожухах, управляется из спальни Тессы. Световое кольцо отразилось в раструбе объектива, когда он вытянулся, давая наплыв.

Пропеллеры, зажужжав, слились в серое пятно, вынесли платформу в дверь, остановка; вновь смазались, разворот. Конструкция, покачавшись, быстро стабилизировалась: подвешенная снизу камера играла роль балласта. «Маленькая Игрушка Бога», так окрестила Тесса свой серебристый воздушный шар. Бестелесный глаз. Она посылала его в медлительные круизы по дому, на добычу фрагментарных образов. Каждый, кто жил здесь, непрерывно снимал на пленку кого-то другого, за исключением Йена; Йен носил стоп-кадр-костюм, даже спал в нем и записывал свои собственные движения.

Тренажер, умная машина, почувствовал, что Шеветта утратила фокусировку, и тяжко вздохнул, замедляясь; сложная система гидравлических приводов начала перестраиваться. Узкое клиновидное сиденье между ее бедер расширилось, раскинулось, чтобы охватить ягодицы в режиме «бич-байк». Ручки руля пошли вверх, приподнимая ее руки. Она продолжала крутить педали, но тренажер начал потихоньку тормозить.

– Сожалею. – Голос Тессы из крохотной колонки.

Но Шеветта знала, что Тесса не сожалеет.

– Я тоже, – сказала Шеветта, когда педали проделали финальный полуоборот, защелкнув замки для спуска. Она толкнула ограждения вверх и спустилась на землю, взмахом шуганув камеру и испортив Тессе кадр.

– *Une petite problemette*[12]. У тебя, я так думаю.

– Что?

[12] Небольшая проблемка (*фр.*).

– Пойдем на кухню, покажу.

Тесса запустила один из пропеллеров на задний ход, повернув платформу на оси. Потом направила два пропеллера вперед, и платформа поплыла обратно через дверной проем, в гараж. Шеветта проследовала за ней, стянув полотенце с гвоздя, вбитого в дверной косяк. Затворила за собой дверь. Стоило бы захлопнуть ее на все время тренировки, но она забыла. «Маленькая Игрушка Бога» не умела открывать двери.

Полотенце не мешало бы выстирать. Чуточку жестковатое, но не зловонное. Шеветта вытерла пот с подмышек и груди. Догнала воздушный шар, поднырнула под него и оказалась на кухне.

Почувствовала, как разбегаются тараканы. Каждая плоская поверхность, за исключением пола, была занята немытой посудой, пустыми бутылками, деталями съемочного оборудования. За день до пожара у них была вечеринка, и никто до сих пор не прибрался.

Сейчас здесь нет света, только пара огоньков сигнальных устройств да методичное мигание охранной системы, переключавшейся с одной внешней камеры ночного видения на другую. 4:32 ночи в углу экрана. Наверно, с половину охранных систем отрубили, потому что люди входили и выходили весь день, и снаружи всегда кто-нибудь был.

Жужжание платформы, которую Тесса подняла сзади над ее головой.

– В чем дело? – спросила Шеветта.

– Наблюдай за проездом.

Шеветта подвинулась поближе к экрану. Открытая веранда, нависшая над песком…

Пространство между их домом и соседним…

Проезд. И машина Карсона, прямо там.

– Вот дерьмо, – сказала Шеветта, когда изображение «лексуса» сменилось видом пространства между домами с другой стороны, а затем панорамой камеры из-под веранды.

– Стоит там с трех двадцати четырех.

Веранда…

– Как он меня нашел?

Между домами…

– Сетевой поиск, наверно. Сличение образов. Кто-то выкладывал фотографии с вечеринки. Ты была на нескольких.

«Лексус» в проезде. Пустой.

– Где он?

Между домами… Под верандой…

– Без понятия, – сказала Тесса.

– А где ты?

Снова веранда. Посмотришь на такое, и начнут мерещиться вещи, которых нет. Она опустила взгляд на хлам, заваливший стойку, и увидела там мясницкий тесак в фут длиной, лежащий в остатках шоколадного торта, лезвие все залеплено засохшим кремом.

– На втором этаже, – сказала Тесса. – Тебе лучше подняться.

Шеветта вдруг замерзла в своих коротких велосипедных шортах и майке. По коже продрал озноб. Перешла из кухни в гостиную. Предрассветная серость сквозь стеклянные стены. Англичанин Йен растянулся на длинной кожаной кушетке и слегка похрапывал, красный светодиод помигивал на груди его стоп-кадр-костюма. Нижняя часть Йенова лица всегда казалась Шеветте не в фокусе; зубы неровные, разного цвета, будто пиксели мельтешат. Чокнутый, считала Тесса. И он никогда не переодевал костюма, в котором спал сейчас; шнуровал его туго, как корсет.

Что-то пробормотал во сне и повернулся на бок, когда она прошла мимо.

Она стояла в нескольких дюймах от стекла, ощущая сырость, которой тянуло снаружи. На веранде – ничего, только призрачный белый стул, пустые пивные жестянки. Где же Карсон?

Лестница на второй этаж была винтовой, клиновидные ступени из очень толстой доски закручивались вокруг металлической стойки. Углеродно-волоконные педальные скобы в подошвах туфель клацали при подъеме на каждом шаге.

Тесса ждала на самом верху, стройная белокурая тень, утопленная в дутой куртке, которая, как знала Шеветта, при солнечном освещении была темно-оранжевой.

– У соседнего подъезда припаркован фургон, – сказала она. – Погнали!

– Куда?

– По берегу на север. Заявку на грант утвердили. Я не спала, говорила с мамой и как раз ей об этом рассказывала, когда явился твой друг.

– Может, он просто хочет поговорить, – сказала Шеветта.

Она однажды сболтнула Тессе, как он ее избил, и теперь сожалела об этом.

– Не уверена, что на это стоит надеяться. Мы уезжаем, о'кей? Видишь? Я упаковалась. – Раздутый ромб мешка со съемочной техникой, свисающий с плеча, шлепал по бедру.

– А я нет, – сказала Шеветта.

– А ты и не распаковывалась, помнишь? – (Что было правдой.) – Выйдем через веранду, и за домом Барбары сразу в фургон: считай, мы свалили.

– Нет, – сказала Шеветта, – давай всех разбудим, включим снаружи свет. Что он нам сделает?

– Не знаю, что он сможет нам сделать. Но он всегда сумеет вернуться. Теперь он знает, что ты живешь здесь. Тебе нельзя оставаться.

– Я не уверена, что он снова хочет сделать мне больно.

– Ты хочешь с ним жить?

– Нет.

– Ты приглашала его сюда?

– Нет.

– Хочешь с ним повидаться?

Колебание.

– Нет.

– Тогда тащи свою сумку. – Тесса прошла мимо нее, толкнула, прокладывая путь мешком. – Живо, – добавила она, уже спускаясь по лестнице.

Шеветта открыла было рот, но ничего не ответила. Развернулась, пошла на ощупь вдоль коридора к двери в свою комнату. Бывший чулан, вот что это было, хотя внутри попросторнее, чем в некоторых жилищах на мосту. Когда открывалась дверь, на потолке загоралась лампа под куполом-абажуром из льдистого стекла. Кто-то вырезал толстый шмат пены, занимавший около половины узкого пространства без окон, между стильной обувной стойкой из какой-то светлой твердой тропической древесины и плинтусом из того же материала. Шеветта никогда не видела изделий из дерева, столь точно подогнанных. Весь дом был такой под слоем коммунальной грязи, и она часто гадала, кто жил здесь раньше и что они чувствовали, зная, что должны уехать. Кем бы они ни были, судя по обувной полке, туфель у них было больше, чем у Шеветты за всю ее жизнь.

Ее рюкзак валялся на краю узкого лежбища из пены. Как и сказала Тесса, все еще нераспакованный. Хотя открытый. Косметичка со всякой всячиной брошена рядом. Старая байкерская куртка Скиннера висит над кроватью, плечи расправлены и сидят уверенно на резных деревянных плечиках. Некогда черная конская кожа вытерлась и стала почти серой. Куртка старше тебя, сказал он однажды. Новые черные джинсы на перекладине рядом с курткой. Она сдернула их и скинула с ног велотуфли. Натянула джинсы поверх шорт. Достала черную водолазку из раскрытой пасти рюкзака. Ощутила запах чистого хлопка, натянув ее через голову, – она все постирала, еще у Карсона, когда решила, что уходит. Поставив ногу на край кровати, зашнуровала шипованные штурмовые ботинки; обошлась без носков. Встала и сняла куртку

Скиннера с плечиков. Куртка была тяжелой, как будто помнила тяжесть лошади. Надев ее, Шеветта почувствовала себя в большей безопасности. Вспомнила, как всегда ездила в ней по Сан-Франциско, несмотря на ее изрядную тяжесть. Как в броне.

– Пошли давай, – тихо зовет из гостиной Тесса.

Шеветта впервые увидела Тессу, когда та явилась к Карсону с какой-то девицей из Южной Африки, брать у него интервью о работе на канале «Реальность». Что-то сработало; Шеветта улыбалась в ответ тощей блондинке, чьи черты были великоваты для ее лица, но она выглядела на все сто, смеялась и казалась умной.

Слишком умной, подумала Шеветта, запихивая косметичку в рюкзак, потому что теперь она все же собиралась с ней в Сан-Франциско, не будучи до конца уверенной в правильности этой идеи.

– Пошли давай.

Нагнулась, чтобы до конца втиснуть косметичку в рюкзак, защелкнула замок. Забросила рюкзак на плечо. Взглянула на велотуфли. Нет времени. Вышла и закрыла дверь чулана.

Наткнулась на Тессу в гостиной; та проверяла, отключена ли сигнализация на раздвижных стеклянных дверях.

Йен рычал, колошматя что-то во сне.

Тесса потянула одну из створок, открыв ее ровно настолько, чтобы можно было протиснуться; рама проскрежетала в заржавевшем пазе. Шеветта ощутила холодное дыхание моря. Тесса вышла наружу, просунула руку, вытащила свой мешок со съемочным оборудованием.

Шеветта вышла следом, рюкзак клацнул о раму. Что-то слегка коснулось ее волос, Тесса, вытянув руку, поймала «Маленькую Игрушку Бога». Протянула ее Шеветте, та взяла ее за один из сетчатых кожухов, окружавших пропеллеры; платформа казалась совсем невесомой и хрупкой, такую легко сломать. Потом они с Тессой взялись за дверную ручку и совместным усилием медленно задвинули дверную створку, превозмогая трение механизма.

Шеветта выпрямилась, обернулась, с опаской глянув на светлеющую массу – единственный признак океана в этот час, на черные петли колючей проволоки, и ощутила что-то вроде головокружения, как будто всего на одну секунду встала на самый край крутящегося мира. Раньше ее уже посещало такое чувство, там, на мосту, на крыше Скиннеровой конуры: будто стоишь на самой высокой точке мира, и туман, поглотивший бухту, возвращает эхом все звуки с иного, нового расстояния.

Тесса спустилась к пляжу по четырем ступенькам, и Шеветта услышала, как песок скрипит под ее каблуками. Было так тихо… Она вздрогнула. Тесса пригнулась, проверяя, нет ли кого под выносной верандой. Где же он?..

Они так его и не увидели, по крайней мере там и тогда, с трудом пробираясь сквозь зыбучий песок, миновав персональную веранду старой Барбары, где широченные окна были сплошь заклеены рваной фольгой и побуревшим от солнца картоном. Барбара была владелицей всего этого дома вплоть до самого Слива, теперь ее редко видели. Тесса попыталась как-то уговорить ее сняться в своем фильме – маргинальное сообщество из одного человека, ставшего отшельником в своем жилище, среди коммунальных домов. Шеветте подумалось, не подглядывает ли сейчас Барбара за их побегом. Вдоль дома и за угол, потом между ним и соседним, туда, где ждал фургон Тессы, почти кубической формы, цветная раскраска облезла от песчаного ветра.

С каждым новым шагом все это больше походило на сон, и вот уже Тесса отпирает фургон, сперва посветив фонариком внутрь кабины, проверяя, не притаился ли Карсон там, и когда Шеветта запрыгивает на пассажирское место и устраивается на скрипучем сиденье – одеяло привязано к рваному пластику специальным шнуром для прыжков с моста, – она понимает, что уезжает. Куда-то.

И это ей нравится.

8
Дыра

Дрейф.

Лейни дрейфует.

Вот что он, в сущности, делает. Он знает: все, что для этого нужно, – отпустить тормоза. Он признает случайность.

Опасность признания случайности в том, что случайность может признать Дыру.

Дыра – это то, вокруг чего смонтирована личность Лейни. Дыра – это отсутствие фундаментальной сердцевины. Дыра – это то, во что он вечно запихивал вещи: наркотики, карьеру, женщин, информацию.

По большей части – с недавних пор – информацию.

Информацию. Этот поток. Эту… коррозию.

Дрейф.

Однажды, еще до того, как он перебрался в Токио, Лейни проснулся в спальне своего люкса в «Шато».

Было темно, лишь шуршание шин откуда-то с бульвара Сансет; глухое стрекотание вертолета, рыскавшего над холмами за отелем.

И Дыра, прямо там, рядом с Лейни, в одиноком размахе его королевских размеров кровати.

Дыра очень близкая, персональная.

9
Секундная стрелка

Яркие пирамиды фруктов под жужжащим неоном.

Мужчина смотрит, как мальчик опустошает второй литр сока с мякотью: заглатывает все содержимое высокого пластикового стакана не отрываясь, без видимых усилий.

– Не стоит пить холодные напитки так быстро.

Мальчик глядит на него. Между взором мальчика и его душой нет ничего: отсутствие маски. Отсутствие личности. Он, по всей видимости, не глухой, раз понял предложение выпить прохладительного. Но пока ничто не свидетельствует о том, что он наделен даром речи.

– Говоришь по-испански? – Сказано на мадридском наречии, не звучавшем на его устах долгие годы.

Мальчик ставит пустой стакан рядом с первым и смотрит на мужчину. Страха во взгляде нет.

– Люди, которые на меня напали, – это были твои друзья? – Приподняв одну бровь.

Ни малейшей реакции.

– Сколько тебе лет?

Старше, думает мужчина, своего эмоционального возраста. Намек на сбритую щетину в уголках верхней губы. Карие глаза чисты и безмятежны.

Мальчик разглядывает два пустых пластиковых стакана на исцарапанной металлической стойке. Поднимает взгляд на мужчину.

– Еще? Ты хочешь пить еще?

Мальчик кивает.

Мужчина делает знак итальянцу за стойкой. Снова поворачивается к мальчику:

– Тебя хоть как-нибудь зовут?

Ничего. Ничего не меняется в карих глазах. Мальчик глядит на него так спокойно, как может глядеть мирный пес.

Окруженная горками фруктов серебряная соковыжималка коротко хлюпает. Наструганный лед вбивается миксером в мякоть. Итальянец переливает напиток в пластиковый стакан и ставит его перед мальчиком. Мальчик смотрит на сосуд.

Мужчина меняет позу на скрипящем металлическом стуле, его длинное пальто свисает складками, как крылья отдыхающей птицы. У него под мышкой, тщательно вычищенный, спит клинок, свободно покачиваясь в своей магнитной упряжи.

Мальчик берет стакан, открывает рот и вливает густую смесь льда и фруктовой мякоти прямо в горло. Задержка в развитии, думает мужчина. Синдром трагической матки города. Жизненные сигналы искажены химикатами, недоеданием, ударами судьбы. И тем не менее он, как и все остальные, как и сам мужчина, существует в точности так, в точности там и в точности в тот момент времени, как, где и когда он должен существовать. Это дао: тьма внутри тьмы.

Мальчик ставит пустой стакан рядом с двумя другими.

Мужчина выпрямляет ноги, встает, застегивая пальто.

Мальчик протягивает руку. Двумя пальцами касается часов, которые мужчина носит на левом запястье. Рот мальчика приоткрывается, будто он хочет что-то сказать.

– Время?

Что-то шевелится в лишенных выражения карих безднах его глаз. Часы старинные, добыты у специалиста-дилера в одной из укрепленных аркад Сингапура. Это армейские часы. Они говорят мужчине о сражениях иных времен. Они напоминают ему о том, что любое сра-

жение однажды станет таким же смутным воспоминанием и что лишь мгновение имеет смысл, лишь мгновение абсолютно.

Познавший истину воин идет в битву, будто на похороны любимой, да и как может быть иначе?

Мальчик наклоняется вперед; то, что таится в его глазах, видит только часы.

Мужчина размышляет о тех двоих, оставленных им сегодня вечером на мосту. Охотники в своем роде, отныне для них охота закончилась. И этот, третий, следовал за ними по пятам. Чтобы подбирать объедки.

– Тебе нравится?

Никакой реакции. Ничто не в силах нарушить концентрацию, связь между тем, что всплыло из бездны глаз мальчика, и аскетическим черным циферблатом наручных часов.

Дао делает ход.

Мужчина расстегивает стальную пряжку ремешка. Отдает часы мальчику. Он делает это не раздумывая. Он делает это с той же бездумной уверенностью, с какой чуть раньше убивал. Он делает это, потому что так нужно, потому что так правильно поступить; потому что жизнь его бьется в такт с дао.

Нет никакой нужды прощаться.

Он уходит от мальчика, оставленного навеки созерцать черный циферблат и стрелки.

Он уходит сейчас. Мгновение – в равновесии.

10
Американский акрополь

Райделл все-таки сумел настроить бразильские очки на фрагмент уличной схемы Сан-Франциско, но ему еще требовалось узнать от Кридмора, как добраться до гаража, где они собирались оставить «хокер-айти». Кридмор, разбуженный Райделлом, казалось, не сразу уяснил, кто такой, собственно, сам Райделл, но похвально быстро начал соображать. Сверившись со сложенной пополам визитной карточкой, извлеченной из «часового» кармана джинсов, он четко указал, куда нужно двигать.

Это было старое здание в районе, где подобные строения обыкновенно преображались в резиденции, но густота колючей проволоки намекала, что эта территория до сих пор не обуржуазилась. Вход контролировала пара громил со значками фирмы «Универсал», занимавшейся в основном рядовой охраной промышленных объектов. Громилы размещались в офисе у ворот и смотрели канал «Реальность-1» на плоском экране, водруженном на огромный стальной стол, у которого был такой вид, будто по каждому его квадратному дюйму прошлись большим отбойным молотком. Одноразовые кофейные чашки и пищевые контейнеры из белой пены. Все это показалось Райделлу по-домашнему родным, и он прикинул, что скоро там должна быть пересменка, в семь утра. Не такая уж дурная, наверно, работенка, бывает и хуже.

– Ставим на временную стоянку, – сказал им Райделл.

На плоском экране был виден олень. За ним – знакомые очертания заброшенных небоскребов центрального Детройта. Логотип «Реальности» в нижнем правом углу обеспечил нужный контекст: одна из этих программ о природе.

Райделлу дали список, чтобы он ткнул в номер предварительного заказа, записанный у Кридмора на бумажке, и оказалось, что за стоянку уплачено. Его заставили расписаться прямо там же, рядом с номером. Сказали поставить тачку на место номер двадцать три, уровень шесть. Он вышел из офиса, забрался обратно в «хокер», рванул вверх по скату, мокрые шины визгнули по бетону.

Кридмор проводил операцию по наведению лоска, глядя в подсвеченное зеркальце за противосолнечным забралом на пассажирском месте. Операция состояла из многократного прочесывания волос пальцами, вытирания пальцев о джинсы, потом разминания век. Затем он оценил результаты.

– Самое время выпить, – обратился он к отражению своих налитых кровью буркал.

– Семь утра, – сказал Райделл.

– О чем я и говорю, – сказал Кридмор, откинув забрало обратно наверх.

Райделл нашел номер двадцать три, написанный краской на бетоне, между двух неизвестных транспортных средств, задрапированных в чехлы. Он осторожно втиснул «хокер» меж ними и начал отключать машину. Проделать это удалось, не обращаясь к меню подсказок.

Кридмор вылез наружу и отошел помочиться на чью-то покрышку.

Райделл проверил салон – убедиться, что они ничего не оставили, расстегнул ремень безопасности, потянулся, чтобы закрыть пассажирскую дверцу, дистанционно открыл багажник, открыл дверцу водителя, проверил, не забыл ли ключи, вышел и захлопнул дверцу.

– Эй, Бьюэлл! Твой приятель собирается забрать ее отсюда, я правильно понял?

Райделл вытаскивал свои вещи из багажника «хокер-айти» – странно узкого, чем-то похожего на младенческий гробик. Больше там ничего не было, и Райделл решил, что Кридмор, видимо, пустился в вояж налегке.

– Нет, – сказал Кридмор, – они бросят ее здесь пылиться к чертовой бабушке. – Он застегивал ширинку.

– Тогда я отдам ключи тем парням из «Универсала», шестью этажами ниже, ладно?

– Нет, – сказал Кридмор, – ты отдашь их мне.

– Я расписался, – ответил Райделл.

– Дай их сюда.

– Бьюэлл, данное транспортное средство теперь находится под моей ответственностью. Я расписался за это.

Он захлопнул багажник, активировал системы безопасности.

– Пожалуйста, отойдите на шаг, – сказала «хокер-айти». – Уважайте мои частные границы так же, как я уважаю ваши. – У нее был красивый, странновато-бесполый голос, нежный, но жесткий.

Райделл отступил на шаг, потом еще на один.

– Это машина моего друга и ключи моего друга, и мне надо отдать их ему. – Кридмор положил руку на большую ковбойскую пряжку, как на штурвал персонального корабля-государства, но вид у него был неуверенный, словно похмелье лишило его сил.

– Просто скажи ему, что ключи будут здесь. Так это делается. Да и безопаснее будет. – Райделл закинул сумку на плечо и пошел вниз по скату, радуясь возможности размять ноги. Он оглянулся на Кридмора. – Увидимся, Бьюэлл.

– Сукин сын, – сказал Кридмор, хотя Райделл принял это скорее за обращение к миру, породившему Райделла, чем к себе лично. Кридмор вяло, растерянно щурился под мутно-зелеными газосветными лампами.

Райделл же продолжал шагать вниз по разбитой бетонной спирали парковочной площадки еще пять уровней, пока не наткнулся на офис у самого входа. Громилы из «Универсала» сидели и пили кофе, досматривали конец передачи. Теперь олень пробирался сквозь снег – снег, что косо летел по ветру, леденящему совершенные вертикали стен мертвого и монументального сердца Детройта, широкие черные зубцы кирпича, уходящие ввысь, чтобы исчезнуть в белесом небе.

В Детройте снимали множество программ о природе[13].

Райделл вышел на улицу, чтобы найти такси или место, где позавтракать. По запаху Сан-Франциско весьма отличался от Лос-Анджелеса, и Райделлу это ощущение нравилось. Сейчас он найдет, где поесть, и наденет бразильские очки, чтобы дозвониться в Токио.

Выяснить все насчет этих самых денег.

[13] Имеется в виду «Американский акрополь» (см. название данной главы) – предложенный (но не осуществленный) в 1995 г. нью-йоркским фотографом и историком чилийского происхождения Камило Хосе Вергарой проект создать на базе заброшенного высотного квартала в Детройте центр изучения урбанистического распада, возвращения в город диких животных и т. п.

11
Другой парень

Шеветта никогда не сдавала на права, так что везти их обеих до самого Сан-Франциско пришлось Тессе. Тесса, кажется, не возражала. В голове у нее сидела только документалка, которую они отснимут, и она могла продумывать ее вслух, не отрываясь от дороги, рассказывая Шеветте о разных сообществах, которые хотела охватить, и о том, как все это смонтирует. Шеветте оставалось лишь слушать или делать вид, что слушает, и в конце концов она просто заснула. Она заснула в тот момент, когда Тесса рассказывала ей о месте под названием «Застенный город», о том, что когда-то и вправду был такой город, рядом с Гонконгом, разрушенный еще до того, как Гонконг вновь стал частью Китая[14]. И вот тогда эти сумасшедшие хакеры совместно построили свой собственный город, что-то вроде огромного коллективного веб-сайта, а потом вывернули его наизнанку и исчезли внутри. Все это казалось очередной небылицей, когда Шеветта клевала носом, но рассказ остался у нее в голове картинками. Снами.

– Ну и что там твой другой парень? – спросила Тесса, когда Шеветта очнулась от этих снов.

Шеветта спросонья поглядела в окно на Пятую автостраду, на белую полосу, которая будто сматывалась в рулон под колесами фургона.

– Какой другой парень?

– Ну, коп. С которым ты гоняла в Лос-Анджелесе.

– Райделл, – сказала Шеветта.

– И почему же вариант не сработал? – спросила Тесса.

Шеветта на самом деле не знала ответа.

– Просто не сработал, и все.

– И тогда тебе пришлось приклеиться к Карсону?

– Нет, – сказала Шеветта, – не пришлось. – (Что это за белые штуки, их так много там, далеко в полях? Ветряные штуки: они дают ток.) – Просто казалось, что так надо.

– И со мной так бывало, – кивнула Тесса.

[14] Имеется в виду Коулун – полуостров, континентальная часть Гонконга. В 1847 г. на его территории была построена небольшая крепость. В архитектурном отношении город-крепость Коулун представлял собой удивительный феномен крайне хаотичной городской застройки и исключительно высокой плотности населения. В 1991 г. власти Гонконга начали эвакуацию коулунцев с целью уничтожить «городскую язву, рассадник преступности, проституции и наркоторговли», а в 1993 г. город-крепость был разрушен окончательно. В память об этом месте Гибсон и создает сюрреалистический виртуальный «Застенный город» хакеров (см. роман «Идору»).

12
«Эль примеро»

Фонтейн первый раз замечает мальчишку, когда раскладывает утренний ассортимент в своей узкой витрине: жесткие темные волосы надо лбом, прижатым к пуленепробиваемому стеклу.

Фонтейн никогда не оставит на ночь в витрине ничего ценного, но вид полной пустоты ему не нравится.

Ему не нравится думать, что кто-то проходит мимо и мельком смотрит на пустоту. Это напоминает ему смерть. Так что каждую ночь он оставляет в витрине пару-другую не особо ценных предметов – якобы обозначить ассортимент лавки, на самом же деле в качестве частного акта искупительной магии.

Этим утром в окне виднеются тройка плохоньких швейцарских механических часов с циферблатами в крапинках времени, двойной перочинный нож IXL с точеными костяными ручками и эмблемой-щитком (в приличном состоянии) и восточногерманский военно-полевой телефон такого внушительного вида, будто он сконструирован не только для того, чтобы выдержать ядерный взрыв, но и для нормального функционирования во время самого взрыва.

Фонтейн, все еще под действием первого утреннего кофе, пристально смотрит вниз, сквозь стекло, на немытые ершистые волосы. Поначалу думает о трупе, и далеко не первом, найденном им вот так, но ни разу в подобной позе, торчком, на коленях, как при молитве. Однако нет, этот труп живой: дыхание туманит витрину Фонтейна.

В левой руке Фонтейна часы «Кортебер» 1947 года выпуска – тройная дата, фазы Луны, ручной подзавод, корпус из золота, практически в том состоянии, в каком часы в свое время покинули фабрику. В правой руке – оплавленная чашка из красного пластика с черным кубинским кофе. Лавка наполнена запахом кофе – такого, каким Фонтейн его любит: жженого и резкого.

Конденсат вяло пульсирует на холодном стекле: ореолы серого цвета очерчивают ноздри преклонившего колени.

Фонтейн кладет «Кортебер» обратно в поддон со всем своим лучшим ассортиментом, в узких секциях выцветшего велюра лежат по десятку часов в каждой. Он отставляет поддон на стойку, за которой стоит, когда приходят покупатели, перемещает чашку из красного пластика в левую руку и правой рукой с облегчением нащупывает «смит-и-вессон кит-ган» 22-го калибра в правом нижнем кармане поношенного тренча, который служит ему халатом.

Маленький пистолет, древнее многих его лучших часов, на месте, потертая рукоять орехового дерева удобна и хорошо знакома. Возможно, предназначенный для хранения в сундучке рыболова и защиты от назойливых водных змей или обезглавливания бутылок из-под пива, все-таки «кит-ган» – продуманный выбор Фонтейна: шестизарядный револьвер бокового боя, с дулом длиной четыре дюйма. Он, Фонтейн, не хочет никого убивать, хотя, говоря по правде, ему приходилось и, вполне вероятно, еще придется. Ему неприятно ощущать отдачу и слышать грохот выстрела, он с недоверием относится к полуавтоматическому оружию. Он историк-анахронист: он знает, что система «смит-и-вессон» разрабатывалась под патрон 32-го калибра центрального боя, давным-давно вышедший из употребления, но некогда стандартный для американского карманного оружия. Переоборудованная под непритязательный патрон 22-го калибра, система дожила как «кит-ган» почти до середины двадцатого века. Удобная вещь и, как и все предметы Фонтейновой коллекции, подлинный раритет.

Он допивает свой кофе, ставит пустую чашку на стойку рядом с поддоном, полным часов.

Он, Фонтейн, прекрасный стрелок. С расстояния в двенадцать шагов, встав в архаичную позу дуэлянта – одна рука за спиной, он при свидетелях попадал в середину туза червей.

Он не сразу решается открыть парадную дверь своей лавки, это сложный процесс. А может, тот, преклонивший колени, там не один? На мосту у Фонтейна почти нет настоящих врагов, но кто его знает, какую гадость может занести сюда с того или иного конца, из Сан-Франциско или Окленда? А дикие джунгли Острова Сокровищ привычно порождают еще более зверское безумие.

Но все же.

Он сдвигает последний засов и вытаскивает револьвер.

Солнечный свет, будто некое странное благословение, пробивается сквозь пластик и ободранное дерево обшивки моста. Фонтейн вдыхает соленый воздух, причину коррозии.

– Эй, ты, – говорит он. – Мистер! – Револьвер у него в руке, спрятан в складках тренча.

Под тренчем, распахнутым по причине отсутствия пояса, на Фонтейне линялые, в крупную клетку, фланелевые пижамные штаны и белая сорочка с подогревом и длинными рукавами, загрубевшая от неоднократных стирок. Черные туфли без шнурков, на босу ногу, заскорузли и потрескались.

Темные глаза смотрят на него снизу вверх, лицо почему-то никак не хочет сводиться в фокус.

– Что ты здесь делаешь?

Мальчик склоняет голову набок, словно внимая чему-то, недоступному для слуха Фонтейна.

– Отойди от моей витрины.

С полнейшим и странным отсутствием грации, которое потрясает Фонтейна как тоже своего рода грация, не имеющая аналогов, странная личность поднимается на ноги. Карие глаза таращатся на Фонтейна, но будто бы не видят его или, возможно, не признают в нем другое человеческое существо.

Фонтейн демонстрирует «смит-и-вессон», палец лежит на спусковом крючке, но дуло не направлено на мальчика. Он наводит дуло только тогда, когда твердо решился стрелять, – урок, давным-давно преподанный отцом.

Этот стоявший в молитвенной позе и дышавший на витрину не живет на мосту. Фонтейну было бы трудно объяснить, откуда он это знает, но он знает. Это просто-напросто инстинкт, выработанный долгим проживанием здесь. На мосту он знает, конечно, не всех, да и вряд ли хотел бы знать всех, но тем не менее отличает «мостовых» от прочих с абсолютной уверенностью.

В этом же типе явно чего-то недостает. Что-то с ним не в порядке; и речь не о наркотиках, а о каком-то более постоянном виде умственного расстройства. И хотя среди населяющих мост есть подобные дурачки, все они сумели худо-бедно вписаться в окружающую среду и не склонны появляться так вот, с бухты-барахты, мешая торговому бизнесу.

Где-то наверху, высоко-высоко, ветер с бухты лупцует съехавший шмат пластика: бешеные хлопки, будто сумасшедшее крыло гигантской раненой птицы.

Фонтейн, глядя в карие глаза на лице, которое по-прежнему упорно не желает фокусироваться (по той причине, думает он сейчас, что просто на это не способно), сожалеет о том, что вообще открыл дверь. Соленый воздух даже сейчас вгрызается в блестящие металлические потроха его товара. Он делает жест револьвером: пошел отсюда.

Мальчик протягивает руку. Часы.

– Что? Ты хочешь мне это продать?

Карие глаза не реагируют на речь.

Фонтейн, во власти безотчетного побуждения, делает шаг вперед, его палец напрягается на спусковом крючке с самовзводом. Камора под бойком пуста безопасности ради, но стоит

лишь резко надавить на крючок и не отпускать, и барабан провернется до следующей, заряженной каморы.

Выглядят как нержавеющие. Циферблат черный.

Фонтейн видит грязные черные джинсы, изношенные кроссовки, линялая красная майка топорщится над вздутым животом – характерным признаком недоедания.

– Хочешь мне их показать?

Мальчик смотрит на часы в руке, потом указывает пальцем на те трое часов, что лежат в витрине.

– Конечно, – говорит Фонтейн, – у нас есть часы. Любых видов. Хочешь на них посмотреть?

Мальчик глядит на него, не опуская пальца.

– Давай, – говорит Фонтейн, – давай заходи. Чего зря мерзнуть. – Все еще держа в руке револьвер, хотя и ослабив нажим на спусковом крючке, он делает шаг назад, в лавку. – Ты идешь?

После короткой заминки мальчик входит следом, держа часы с черным циферблатом так, словно маленького зверька.

Наверняка ерунда какая-нибудь, думает Фонтейн. Проржавевший армейский «Уолтам» или еще какое дерьмо. Вот же дерьмо собачье, зачем он впустил сюда этого урода.

Мальчик стоит, уставившись в одну точку, посередине крохотной лавки. Фонтейн закрывает дверь, всего на один засов, и отступает за свою стойку. Все это он проделывает, не опуская ствола, оставаясь вне радиуса захвата и не спуская глаз с визитера.

Глаза мальчика становятся еще больше, когда он видит поддон с часами.

– Сначала – первое, потом – второе, – говорит Фонтейн, ловко убрав поддон свободной рукой с глаз долой. – Давай-ка посмотрим. – Показывает на часы в руке мальчика. – Сюда, – приказывает Фонтейн, постукивая по облупленному золоченому логотипу «Ролекс» на круглой подушечке темно-зеленой искусственной кожи.

Мальчик, кажется, понимает. Кладет часы на подушечку. Фонтейн видит грязь под обломанными ногтями, когда рука отпускает часы.

– Черт, – говорит Фонтейн. Что-то не так с глазами. – Отойди на минуточку во-он туда, – говорит он, мягко указывая направление дулом «смит-и-вессона».

Мальчик отступает на шаг.

По-прежнему глядя на мальчика, он копается в левом кармане тренча, извлекает оттуда черную лупу, зажимает ее левым глазом.

– Не вздумай теперь двинуться, понял? Не хочу, чтобы эта штука пальнула…

Фонтейн берет в руки часы, коротко сощуривается на них сквозь лупу. Невольно присвистывает. «Жаже Лекультр». Перестает щуриться, проверяя, не шелохнулся ли мальчик. Щурится снова, теперь уже на артикул на спинке корпуса. «Королевские военно-воздушные силы Австралии, 1953 год», читает он.

– Где украл?

Ни звука.

– Состояние почти идеальное… – Фонтейн мигом ощущает неожиданную и глубокую растерянность. – Циферблат новодельный?

Ни звука в ответ.

Фонтейн прищуривается в лупу.

– Так это подлинник?

Фонтейн хочет эти часы.

Он кладет их обратно на зеленую подушечку, поверх потертого символа золотой короны, заметив, что ремешок из черной телячьей кожи – штучной работы, вручную обшит вокруг стерженьков, намертво закрепленных между ушками. Один этот ремешок, сделанный, как он

прикидывает, в Италии или в Австрии, может стоить дороже многих часов, что он продает. Мальчик мгновенно забирает часы.

Фонтейн выставляет поддон:

– Посмотри-ка на это. Хочешь, поменяемся? Вот «Грюн Кёрвекс». Вот «Тюдор Лондон» тысяча девятьсот сорок восьмого года. Отличный, подлинный циферблат. А вот «Вулкан Крикет», золотая головка, стекло очень чистое.

Но он уже знает, что совесть никогда не позволит ему лишить эту потерянную душу часов, и от этого ему становится больно. Фонтейн всю жизнь пытался взрастить в себе семена бесчестья, того, что отец его называл жульничеством, но неизменно терпел фиаско.

Мальчик склоняется над поддоном, не замечая Фонтейна.

– Вот, – говорит Фонтейн, сдвинув поддон в сторону и заменив его своим подержанным ноутбуком. Он открывает на нем веб-страницы, где обычно покупает часы. – Просто жми вот сюда, потом вот сюда, и тебе скажут, как называется то, что ты видишь. – Он демонстрирует «Жаже» с серебристым циферблатом.

Фонтейн нажимает вторую кнопку.

– Хронометр «Жаже» сорок пятого года выпуска, нержавеющая сталь, подлинный циферблат, гравировка на задней поверхности корпуса, – сообщает ноутбук.

– Задней, – говорит мальчик, – поверхности корпуса.

– Вот смотри. – Фонтейн демонстрирует мальчику нержавеющую заднюю крышку нашпигованных золотом прямоугольных часов «Тиссо». – Но только с надписью типа: «Ударному Джо в двадцать пятую годовщину службы в Ударном корпусе, поздравляем!»

Мальчик выглядит совершенно бесстрастным. Нажимает на кнопку. На экране появляются другие часы. Нажимает вторую кнопку.

– Хронометр «Вулкан», движение часовой стрелки скачкообразное, корпус хромированный, ушки латунные, циферблат в очень хорошем состоянии.

– В очень хорошем, – поясняет Фонтейн, – а значит, недостаточно хорошем. Видишь вот эти пятнышки? – Он показывает на черные точки, отчетливо различимые на скане. – Если бы говорили в «отличном состоянии», тогда без вопросов.

– В отличном состоянии, – произносит мальчик, подняв взгляд на Фонтейна. И нажимает на кнопку, выводящую на экран изображение следующих по списку часов.

– Дай я еще раз гляну на те часы, ладно? – Фонтейн показывает на часы в руке мальчика. – Все в порядке. Я тебе их отдам.

Мальчик переводит взгляд с Фонтейна на часы и обратно. Фонтейн убирает «смит-и-вессон» в карман. Показывает мальчику пустые руки.

– Я тебе их отдам.

Мальчик протягивает руку. Фонтейн берет часы.

– Так ты мне не скажешь, где ты их взял?

Ни звука.

– Хочешь кофе?

Фонтейн показывает на булькающую в глубине лавки кастрюльку на электроплитке. Чувствует крепчающий запах горького варева.

Мальчик понимает.

Мотает головой.

Фонтейн снова вкручивает лупу и углубляется в созерцание.

Черт побери. Он хочет эти часы.

Позже, во второй половине дня, когда мальчик-разносчик бэнто[15] привозит Фонтейну обед, армейский «Жаже Лекультр» лежит в кармане Фонтейновых слаксов из серого твида, с высокой талией и экстравагантными складками, но Фонтейн знает, что часы – не его. Мальчик помещен в глубине лавки, в той захламленной маленькой зоне, что отделяет бизнес Фонтейна от его частной жизни, и Фонтейн, увы, осознает тот факт, что чувствует запах своего гостя: чуть приглушенный утренним ароматом кофе ясный и настойчивый смрад застарелого пота и нестиранного тряпья.

Когда разносчик выходит из лавки к своему перегруженному коробками велосипеду, Фонтейн открывает защелки на собственной коробке. Так, сегодня тэмпура[16], а тэмпуру он не очень любит, слишком быстро она остывает, но ему все равно, потому что он голоден. Пар клубится над тарелкой мисо[17], когда он со щелчком снимает пластиковую крышку. Пауза.

– Эй, – обращается он в пространство за лавкой, – хочешь немного мисо? – (Ни звука.) – Суп. Ты слышишь меня или нет?

Фонтейн вздыхает, слезает с деревянного табурета и заходит с горячим супом в чулан.

Мальчик сидит на полу, скрестив ноги, у него на коленях раскрыт ноутбук. Фонтейн видит фото очень большого, сложной системы хронометра, которое плавает по экрану. Вещь из восьмидесятых, судя по виду.

– Хочешь немного мисо?

– «Зенит», – отвечает мальчик, – «Эль Примеро». Нержавеющий корпус. Тридцать один камень, механизм хронографа «тридцать-девятнадцать пи-эйч-си». Тяжелый нержавеющий браслет с замком-застежкой. Оригинальная завинчивающаяся головка для перевода стрелок и подзаводки. Механизм и головка – с подписями и логотипами «Зенит».

Фонтейн таращит на него глаза.

[15] *Бэнто* – традиционные японские коробочки для еды.

[16] *Тэмпура* – японское блюдо: рыба, обжаренная в кляре.

[17] *Мисо* – соевая паста. Здесь: суп, приготовленный с мисо.

13
Подержанный свет[18]

Ямадзаки возвращается, набрав антибиотиков, пакетов с едой и жестянок-самогреек с кофе. Он одет в пилотскую куртку из черного нейлона, тащит припасы и свой ноутбук в синей сетчатой сумке.

Он спускается в метро сквозь толпу лишь умеренно плотную, задолго до вечернего часа пик. Последнее время ему плохо спится, в его снах, как призрак, поселился дивный лик Рэй Тоэй – Рэй Тоэй, которая в одном смысле является его работодателем, а в другом смысле вовсе не существует.

Она – это голос и лицо, знакомые миллионам. Она – это море кода, вершина развития компьютерных программ индустрии развлечений. Публика знает, что ее не встретишь, прогуливаясь по улице; что она – это медиа в чистом виде. И в этом основная причина ее очарования.

Если бы не Рэй Тоэй, говорит себе Ямадзаки, Лейни бы тут сейчас не было. Именно для того, чтобы понять ее, предугадать ее мотивацию, Лейни и оказался в Токио. Он работал на менеджеров Реза – певца, объявившего о намерении жениться на ней. И каким же образом, спрашивалось, намерен он это проделать? Как может человек, даже настолько пропитавший медиа, взять в жены конструкт, пакет компьютерных программ, мечту?

Однако Рез, китайско-ирландский певец, поп-звезда, попытался. Ямадзаки об этом известно. Он знает об этом не меньше самого Реза, потому что Рэй Тоэй обсуждала это с ним. Он понимает, что Рез воплощен в цифровую форму настолько, насколько это вообще возможно для человека. Если Рез-человек вдруг умрет, Рез-идол, вне всяких сомнений, будет существовать и дальше. Но Резу страстно хотелось оказаться там в буквальном смысле – там, где находится Рэй Тоэй. Или, вернее, находилась, поскольку недавно она вдруг куда-то исчезла.

Певец пожелал соединиться с ней в неком цифровом мире или же в некой доселе неведомой пограничной зоне, в некоем промежуточном состоянии. И потерпел фиаско.

Не там ли сейчас она? И почему Лейни тоже сбежал?

Сейчас певец гастролирует по государствам Комбината. Путешествует исключительно железной дорогой. Станция за станцией, конечная цель – Москва, следом летят слухи о сумасшествии.

Дело ясное, что дело темное, говорит себе Ямадзаки, спускаясь в картонный город, и снова задумывается, чем же именно там занят Лейни. Все эти разговоры про узловые точки в истории, про какой-то узор, возникший в текстуре событий. О том, что все скоро изменится.

Лейни – каприз природы, мутант, случайный продукт секретных клинических испытаний препарата, пробуждавшего у небольшого процента испытуемых способности, сходные с экстрасенсорными. Но Лейни не экстрасенс в иррациональном смысле; скорее, он способен, благодаря органическим изменениям, давным-давно вызванным «5-SB», тем самым препаратом, воспринимать глобальные перемены, всплывающие из глубин огромных потоков данных.

И вот теперь Рэй Тоэй исчезла, заявляют ее менеджеры, а как такое могло случиться? Ямадзаки подозревает, что Лейни, возможно, в курсе, как или куда, и для Ямадзаки это причина, чтобы вернуться и найти его. Он вел себя крайне осторожно, дабы избежать слежки, прекрасно зная, что все предосторожности могут быть напрасны.

Запах токийской подземки, знакомый и уютный, как запах родного дома. Запах крайне характерный и в то же время не поддающийся описанию. Это запах японской цивилизации, частью которой он себя чувствует на все сто процентов, цивилизации, в данный момент вопло-

[18] «Secondhand Daylight» – второй альбом британской постпанк-группы Magazine, выпущен в 1979 г.

щенной в этой уникальной среде, в мире тоннелей, белых коридоров, едва слышных серебристых поездов.

Он отыскивает проход между двумя эскалаторами, видит кафельные колонны. Он почти убежден, что картонных укрытий здесь уже нет.

Но они по-прежнему на месте, и, когда он напяливает белую микропорную маску и вползает в залитую ярким светом хибару мастера, там тоже все неизменно, за исключением заготовки, над которой сосредоточен старик: теперь это многоголовый динозавр с ногами робота, весь серебряно-синий. Кончик кисточки тщательно обрабатывает глаз рептилии. Старец не поднимает взгляда.

– Лейни?

Ни звука из-за лохмотьев дынно-желтого одеяла.

Ямадзаки кивает старику и ползет мимо него на четвереньках, толкая мешок с припасами перед собой.

– Лейни?

– Тихо, – отвечает Лейни из узкого утробного мрака. – Он говорит.

– Кто говорит? – И ныряет с мешком под хлипкую ткань, прикосновение которой к лицу заставляет вспомнить о детских яслях.

Когда Ямадзаки окончательно вползает, Лейни включает проектор в своих громоздких древних очках; картинка, которую он рассматривает, ослепляет Ямадзаки. Ямадзаки дергается, пытаясь увернуться от луча. Видит фигуры в кадре, залитые дневным светом, который кажется каким-то не новым, подержанным.

– …думаете, он это делает на регулярной основе? – (Картинка почти не дрожит; снято с руки, потом цифровая стабилизация.) – Что-нибудь с фазами Луны?

Ближний план одной из фигур, стройной, мужской, как и все остальные. Нижняя половина лица скрыта черным шарфом. Жесткие черные волосы над белым высоким лбом.

– Никаких оснований для подобного заключения. Он просто пользуется случаем. Ждет, пока они сами не придут к нему. Потом берет их. Эти вот, например… – (Камера плавно дает панораму лица и голой груди мертвеца с широко раскрытыми глазами.) – Типичные торчки. У данного экземпляра в кармане был найден «плясун». – (На бледной груди мертвеца видна темная запятая, прямо под грудиной.) – У второго проткнуто горло, но артерии каким-то образом не задеты.

– Еще бы он задел. – Голос человека за кадром.

– У нас есть досье, – также за кадром говорит человек с шарфом; изображение мертвого лица отбрасывается лучом на картонную стену, на желтое одеяло Лейни. – У нас имеется полный следственный отчет о психотипе. Но вы его попросту игнорируете!

– Конечно же, игнорирую.

– Вы решительно все отрицаете. – (Две пары рук в хирургических перчатках хватают труп и грубо переворачивают. Под левой лопаткой видна еще одна рана, поменьше; кровь скопилась под кожей, свернулась и потемнела.) – Однако он представляет для вас такую же реальную опасность, как и для всех остальных.

– Но он интересная личность, не так ли?

Рана, показанная крупным планом, похожа на маленький печальный ротик. Кровь кажется черной.

– Не для меня.

– Вы сами не интересная личность, случайно?

– Нет. – (И камера идет вверх, луч света ловит острую скулу над черным шарфом.) – И вы не хотите, чтобы я был таким же интересным, я правильно понял?

Раздается еле слышимый звон, передача прерывается. Лейни запрокидывает голову, лицо человека с шарфом в стоп-кадре на картонном потолке, слишком яркое, искаженное, и

Ямадзаки видит, что потолок усеян крохотными наклейками, множеством разных портретов невзрачного на вид человека, странно знакомого. Ямадзаки моргает, фокус его контактных линз смещается, ему не хватает очков. Без очков он чувствует себя не в своей тарелке.

– Кто это был, Лейни?

– Помощник, – говорит Лейни.

– Помощник?

– Трудно найти хорошего помощника в наши дни. – Лейни вырубает проектор и снимает очки. В неожиданном сумраке лицо его похоже на детский рисунок, черные дырки глаз на фоне мертвенно-белой мазни. – Тот, кому звонили…

– Который говорил?

– Он хозяин мира. Насколько вообще у мира может быть хозяин.

Ямадзаки хмурится.

– Я привез лекарства…

– Это было на мосту, Ямадзаки.

– В Сан-Франциско?

– Они шли там за другим моим человеком. Шли за ним прошлой ночью, но потеряли след. Они постоянно все теряют. Зато сегодня утром нашли трупы.

– За кем они шли?

– За человеком, которого нет. Которого я вычислил логически.

– Это портреты Харвуда? Харвуда Левина? – Ямадзаки узнал лицо, размноженное на стикерах.

– Он нанял отличных спецов, лучших, каких только можно купить за деньги, но они не смогут даже приблизиться к человеку, которого нет.

– Какому человеку?

– Думаю, он из… коллекции Харвуда. Харвуд коллекционирует людей. Интересных, любопытных людей. Когда-то он, наверно, работал на Харвуда, брал у него заказы. Он не оставляет следов, вообще никаких. Если кто-то встает у него на пути, этот кто-то попросту исчезает. После чего он стирает себя.

Ямадзаки находит антибиотики в сетчатой сумке.

– Лейни, почему бы вам не принять вот это? Ваш кашель…

– Где Райделл, Ямадзаки? Он уже должен быть там, на севере. Все начинает сходиться.

– Что «все»?

– Я не знаю, – говорит Лейни.

Склоняется вперед, роется в сумке. Находит банку с кофе и включает нагрев, перебрасывает ее из руки в руку по мере нагревания. Ямадзаки слышит хлопок и шипение пара, когда Лейни вскрывает жестянку. Аромат кофе. Лейни шумно прихлебывает.

– Что-то затевается. – Лейни кашляет в кулак, плеснув обжигающий кофе со сливками на запястье Ямадзаки, который морщится. – Все сейчас меняется. Или не меняется, на самом-то деле. То, как я вижу, вот что меняется. Но с тех пор как я стал видеть иначе, стало твориться что-то еще. Что-то нарастает. Что-то большое. Больше, чем большое. Это скоро случится, и начнется каскадный эффект…

– Что случится?

– Не знаю. – Очередной приступ кашля вынуждает его отставить кофе. Ямадзаки открывает коробку с антибиотиками и пытается предложить их. Лейни отмахивается. – Ты возвращался на остров? Они хотя бы догадываются, где она может быть?

Ямадзаки часто моргает:

– Нет. Она пропала, и все.

Лейни улыбается, слабый блеск зубов во тьме рта.

– Это хорошо. Она тоже участвует в этом, Ямадзаки. – Он нашаривает свой кофе. – Она тоже участвует в этом.

14
Завтрак на плитке

Райделл нашел искомое в одном из тех зданий, которые некогда служили банком – в те времена, когда банкам нужны были здания. Толстые стены. Помещение превращено в круглосуточную закусочную, где подают только завтраки, что Райделл, собственно, и искал. Вид был такой, будто до закусочной здесь размещался магазин со скидками и кто его знает, что еще раньше, но внутри пахло яичницей и горелым жиром, а Райделл был голоден.

У входа стояла парочка типов, явно строителей, огромного роста, покрытых белой пылью от стенной кладки, они ждали столик, но Райделл заметил, что стойка свободна, отправился прямиком туда и забрался на табурет. Официантка рассеянного вида и неопределенного происхождения, со шрамами от угревой сыпи на скулах, налила ему кофе и приняла заказ, хотя было неясно, понимает ли она по-английски. Будто вся процедура сводилась к чистой фонетике, подумал он про себя, и она выучила, как звучит «два яйца, слегка недожарьте» и все остальное. Услышала, перевела на кто его знает какой язык, записала и отдала повару.

Райделл достал бразильские очки, надел их и пробежался глазами по списку в поисках токийского номера, который дал ему Ямадзаки. После трех гудков кто-то поднял трубку, но очки не смогли определить координаты ответившего телефона. Тоже мобильный, наверно.

На линии была тишина, но она имела текстуру.

– Эй, – сказал Райделл, – Ямадзаки?

– Райделл? Говорит Лейни… – Внезапный взрыв кашля, потом мертвая тишина, словно ткнули кнопку «убрать звук».

Когда Лейни вновь вышел на связь, голос его звучал полузадушенно.

– Извини. Ты где сейчас?

– В Сан-Франциско, – ответил Райделл.

– Это я знаю.

– В забегаловке на… на… – Райделл листал меню GPS, пытаясь в него войти, но очки упорно показывали что-то вроде транзитных карт Рио.

– Ладно, не суть, – сказал Лейни. Говорил он устало. (Который час, интересно, по токийскому времени? Все это есть в меню телефона, если бы только Райделл в нем разбирался…) – Главное, что ты там.

– Ямадзаки сказал, у тебя тут для меня дельце.

– Да, – ответил Лейни, и Райделл вспомнил свадьбу двоюродного брата: голос Кларенса тогда прозвучал так же радостно, произнося это слово.

– Может, скажешь, что за дельце?

– Нет, – сказал Лейни, – а вот аванс заплачу. Деньги наличными по первому требованию, пока ты там, во Фриско.

– А то, чего ты от меня хочешь, – оно как, законно?

Повисла пауза.

– Не знаю, – ответил Лейни. – Что-то из этого, может, никто вообще никогда не делал, так что – трудно сказать.

– Что ж, думаю, мне нужно знать побольше, прежде чем возьмусь, – сказал Райделл, прикидывая, как, черт побери, он вернется в Лос-Анджелес, если тут ничего не выгорит. И есть ли вообще смысл туда возвращаться.

– Можешь считать, что надо найти пропавшего без вести, – сказал Лейни после очередной паузы.

– Имя?

– Отсутствует. Или, вернее, у него их несколько тысяч. Слушай, ты же любишь разную полицейскую фигню, правильно?

– Как это понимать?

– Только без обид; сам же травил всякие полицейские байки, помнишь? О'кей. Короче, тот, кого я ищу, великий мастер не оставлять следов. Ничего никогда нельзя обнаружить, даже глубочайший количественный анализ ничего не дает. – Лейни имел в виду что-то связанное с веб-поиском; собственно, этим он и занимался. – Он только присутствует физически, и все.

– Откуда ты знаешь, что он присутствует, если он не оставляет следов?

– Потому что умирают люди, – ответил Лейни.

И ровно в этот момент по обе стороны от Райделла за стойку уселись люди, резко пахнуло водочным перегаром…

– Я перезвоню, – сказал Райделл, прикрыв подушечку микрофона и стянув с головы очки.

Кридмор, радостно скалится слева.

– Как оно? – сказал Кридмор. – А это, знакомься, Мэри-Джейн.

– Мэриэлис.

На табурете справа от Райделла – крупная блондинка в летах, верхняя половина торса туго затянута чем-то черным и блестящим, а неутянутая часть образует ложбину, в которую Кридмор мог бы с легкостью засунуть одну из своих пинтовых бутылок. Райделл почуял что-то бесконечно усталое в ее глазах, некую смесь страха, покорности и слепой, машинальной надежды: для нее не были добрыми ни это утро, ни этот год, ни, возможно, вся жизнь, но в этих глазах было что-то, что хотело ему понравиться. Чем бы это на самом деле ни было, оно помешало Райделлу встать, схватить сумку и выйти вон, а ведь именно так, он прекрасно знал, ему и стоило поступить.

– Ты чего, блин, даже не поздороваешься? – Дыхание Кридмора было токсичным.

– Привет, Мэриэлис, – сказал Райделл. – Меня зовут Райделл. Приятно познакомиться.

Мэриэлис улыбнулась, десять процентов усталости испарились всего на секунду из ее глаз.

– Вот, Бьюэлл мне тут говорит, что вы из Лос-Анджелеса, мистер Райделл.

– Да ну? – Райделл смерил Кридмора взглядом.

– Вы там по части медиа, мистер Райделл? – спросила она.

– Нет, – сказал Райделл, прибив Кридмора к табурету самым тяжелым взглядом, на какой был способен, – розничная торговля.

– Я сама по части музыкального бизнеса, – сказала Мэриэлис, – мой бывший и я держали самый успешный кантри-клуб в Токио. Но меня потянуло вернуться к своим корням. В Божью страну, мистер Райделл.

– Ты слишком много трещишь, – сказал ей Кридмор, не обращая внимания на Райделла, когда официантка принесла тому завтрак.

– Бьюэлл, – произнес Райделл почти доброжелательно, – заткнись нахер, а? – Он начал отрезать пригоревший край своей яичницы.

– Пива мне, – сказал Бьюэлл.

– О, Бьюэлл, – сказала Мэриэлис.

Она с трудом подняла с пола большую пластиковую сумку с впаянной молнией, разновидность бесплатных «раздаток» рекламных кампаний, и начала копаться внутри. Извлекла на свет божий длинную запотевшую банку и передала ее Кридмору поверх колен Райделла, пряча под стойкой. Кридмор откупорил ее и поднес к уху, будто наслаждаясь шипением углекислого газа.

– Звук завтрака на плитке, – возвестил он, после чего глотнул.

Райделл сидел на месте, жуя совершенно резиновую яичницу.

– Короче, идешь на этот сайт, – говорил ему Лейни, – даешь им мой пароль, «Колин-пробел-Лейни», заглавная «К», заглавная «Л», первые четыре цифры этого телефонного номера и слово «Берри». Это же твой ник, да?

– Вообще-то меня так зовут, – сказал Райделл, – фамилия по материнской линии. – Он сидел в просторной, но не слишком чистой кабинке туалета бывшего банка. Отправился туда, чтобы избавиться от Кридмора и его спутницы и перезвонить Лейни. – Значит, я даю им все это. А мне они что дадут? – Райделл поднял взгляд на свою сумку, которую повесил на внушительный хромированный крюк на двери кабинки. Он не хотел оставлять ее в закусочной без присмотра.

– Они тебе дадут еще один номер. Идешь с ним к любому банкомату, показываешь любое удостоверение личности с фотографией, набираешь номер. Банкомат выдаст кредитный чип. На нем должно быть достаточно, чтобы продержаться несколько дней, но если не хватит, звони.

От пребывания в замкнутом помещении у Райделла появилось чувство, будто он попал в один из тех древних фильмов о подводных лодках, в эпизод, где вырубают все двигатели и ждут, тихо-тихо, зная, что глубинные бомбы уже сброшены. Здесь было в точности так же тихо, возможно из-за того, что банк был построен основательно; единственным звуком было журчанье бачка унитаза, что, подумал Райделл, только усиливало иллюзию.

– Ладно, – сказал он, – допустим, что все сработает, как должно сработать; но кого ты все-таки ищешь и что там такое было про умирающих людей?

– Европеец, мужчина лет под шестьдесят, возможно, с военным прошлым, но это было очень давно.

– Что сужает круг поисков примерно до миллиона подозреваемых – здесь, в Северной Калифорнии.

– Райделл, все сработает таким образом, что он тебя сам найдет. Я тебе скажу, куда пойти и что попросить, и все вместе привлечет его внимание.

– Звучит чересчур просто.

– Попасть в поле его внимания будет легко. Остаться в живых после этого – нет.

Райделл немного подумал.

– И что я должен сделать, когда он меня найдет?

– Задашь ему вопрос.

– Какой вопрос?

– Еще не знаю, – ответил Лейни, – я над этим сейчас работаю.

– Лейни, – сказал Райделл, – что все это значит?

– Если б я только знал, – сказал Лейни, и вдруг его голос стал очень усталым, – мне бы, наверно, не пришлось торчать тут. – Он замолчал. И повесил трубку.

– Лейни?

Райделл сидел и слушал, как журчит унитаз. В конце концов поднялся, снял сумку с крюка и покинул кабинку.

Вымыл руки под тонкой струйкой холодной воды, убегавшей в черную раковину из искусственного мрамора, всю покрытую коркой желтушного промышленного мыла, после чего проделал обратный путь по коридору, узкому из-за штабелей картонных коробок, набитых, как ему показалось, сантехническим инвентарем.

Он очень надеялся, что Кридмор с кантри-мамашей уже позабыли о нем и свалили.

Не тут-то было. Дама, вдохновившись Райделловым примером, трудилась над тарелкой яичницы, а Кридмор – пиво зажато меж джинсовых бедер – злобно таращился на двух огромных, припорошенных светлой пылью строителей.

– Привет, – сказал Кридмор, когда Райделл прошел мимо них с оттягивавшей плечо сумкой.

– Привет, Бьюэлл, – отозвался Райделл, взяв курс на входную дверь.

– Эй, ты куда пошел?
– На работу, – ответил Райделл.
– Работа, – донесся до него голос Кридмора, – вот ведь дерьмо!
Но дверь с размаху захлопнулась за Райделлом, и он очутился на улице.

15
Вновь здесь, наверху

Шеветта стояла рядом с фургоном, глядя, как Тесса выпускает на свободу «Маленькую Игрушку Бога». Майларовая платформа камеры, похожая на лепешку или раздувшуюся монету, наполнилась водянистым светом дня, поднимаясь в воздух и трепыхаясь, а потом выровнялась и закачалась на высоте футов пятнадцати.

Шеветта чувствовала себя очень странно, вновь оказавшись здесь, видя знакомые бетонные ромбоиды противотанковых заграждений, а за ними – немыслимый силуэт самого моста. Вон там она когда-то жила – хотя теперь это казалось сном или чьей-то чужой жизнью – на вершине ближайшей опорной башни. Вон в той клетушке из фанеры, высоко-высоко, она и спала, пока огромные руки ветра толкали, крутили, терзали мост, и порой она слышала, как тайно стонали железные сухожилия моста, звук этот несся вверх по скрученным тросам, слышимый только ею, Шеветтой, прижавшей ухо к гладкому, словно дельфинья спина, кабелю, который поднимался из овальной дыры, пропиленной в фанерном полу Скиннеровой конуры.

А теперь Скиннер мертв, как ей прекрасно известно. Умер, пока она ошивалась в Лос-Анджелесе, пытаясь стать кем-то, кем, как она тогда думала, ей хотелось бы стать. Она не приехала на похороны. Народ на мосту не устраивал из этого события; закон тут сводился к владению собственностью. Она не была дочерью Скиннера, а если бы и была и захотела владеть этой фанерной клетушкой на вершине опорной башни, достаточно было бы жить там столько, сколько ей нужно. Ей это не было нужно.

Но горевать в Лос-Анджелесе по Скиннеру было попросту невозможно, а сейчас это все вдруг всплыло, она вернулась в то время, когда жила у него. Как он нашел ее, до того больную, что не могла идти, и перенес к себе в дом, и откармливал супом, который покупал у корейских разносчиков, пока она не поправилась. Потом он оставил ее в покое, ни о чем не спрашивая, принимая ее, как принимают птицу, севшую на подоконник, пока она не освоила в городе велосипедные маршруты и не стала курьером. И вскоре они поменялись ролями: слабеющий, нуждающийся в помощи старик, и она – та, кто достанет суп, принесет воды, позаботится, сварен ли кофе. И так шло до тех пор, пока она, по собственной дурости, не попала в беду и в результате встретила Райделла.

– Эту штуку ветер унесет, – предостерегла она Тессу, нацепившую очки, на которые передавался сигнал с парящей камеры.

– У меня в машине еще три, – сказала Тесса и сунула правую руку в черную, скользко блеснувшую управляющую перчатку. Поэкспериментировала с тачпадом, запустив миниатюрные пропеллеры; платформа описала двадцатифутовый круг.

– Нужно поставить кого-нибудь охранять фургон, – сказала Шеветта, – если хочешь увидеть его снова.

– Поставить? И кого же?

Шеветта указала на тощего чернокожего мальчишку с немытыми дредами до самого пояса.

– Ты, как тебя звать?

– А тебе-то что?

– Заплачу, если присмотришь за фургоном. Вернемся – чип на полсотни. По рукам?

Мальчик равнодушно смотрел на нее.

– Звать Бумзилла, – сказал он.

– Бумзилла, – сказала Шеветта, – присмотришь за этим фургоном?

– По рукам, – сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.